

ГОЛОВА

как

РЕШЕТО

Зачем включать мозги
в эпоху гаджетов и Google

УИЛЬЯМ ПАУНДСТОУН

«Мегаактуально».
Booklist

Уильям Паундстоун

**Голова как решето.
Зачем включать мозги в
эпоху гаджетов и Google**

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 37.03
ББК 74.202

Паундстоун У.

Голова как решето. Зачем включать мозги в эпоху гаджетов и Google / У. Паундстоун — «Азбука-Аттикус», 2016

ISBN 978-5-389-13475-1

В наш перенасыщенный информацией век фундаментальные знания приходят в упадочное состояние. Сегодня люди знают о Хлое Кардашьян больше, чем о Рене Декарте. И даже когда дело касается обычных бытовых вопросов, немногие с ходу ответят, сколько минут следует варить яйцо вкрутую или поджаривать стейк. Но так ли важно забивать голову фактами? Ведь стоит только нажать на кнопки, и за считанные секунды мы получаем практически любую информацию. С подобной постановкой вопроса не согласен автор бестселлеров Уильям Паундстоун. В этой книге он указывает на корреляционную связь между различными областями знания, с одной стороны, и качеством жизни — достатком, здоровьем, счастьем и даже политическими взглядами и поведенческими реакциями — с другой.

УДК 37.03
ББК 74.202

ISBN 978-5-389-13475-1

© Паундстоун У., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Введение. Факты устарели	6
Часть 1. Эффект Даннинга – Крюгера	8
1. «Ведь я же намазался соком»	8
«Знания»	10
Умнее ли вы первоклассника, обучавшегося по «Единым образовательным требованиям»?	11
Что знает представитель поколения миллениума	15
Рациональное невежество	18
Эффект Google	19
Что знает Google	20
Когда сенаторы списывают	23
Ценность знаний	24
2. Карты невежества	27
Дефицит бюджета, долг и что-нибудь там еще	34
Факты и неравенство	37
Оружие и преступления	41
Бигмак и демократия	42
Христиане и остальные	44
3. История для чайников	49
В субъективной истории половина событий произошло после 1948 г.	50
Забытая президентов	53
Пик воспоминаний	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Уильям Паундстоун

Голова как решето. Зачем включать мозги в эпоху гаджетов и Google

William Poundstone

Head In The Cloud. Why knowing things still matters when facts are so easy to look up

© William Poundstone, 2016

© Ковальчук А. В., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Азбука Бизнес®

Посвящается Кэти с благодарностью за все хорошие времена

*Единственное, чему меня научили в школе и от чего в дальнейшем
был хоть какой-то прок: если на карандаше послунывить резинку, то
можно стирать и чернила¹.*

Дороти Паркер

Чем больше ложь, тем скорее в нее поверят.

*Высказывание, которое приписывают министру пропаганды
гитлеровской Германии Йозефу Геббельсу до того часто, что 14 %
американцев верят, будто Геббельс так и сказал²*

¹ Parker, 2009, 15n.

² Статистику я привожу по результатам своего исследования, в котором на выбор предлагались шесть вариантов (Геббельс, Оскар Уайльд, Вольтер, Адольф Гитлер, Уинстон Черчилль и Марк Твен). Этой цитаты нет ни в одном из текстов Геббельса. Ее авторство приписано Геббельсу в 1946 г. в докладе Комитета по антиамериканской деятельности, и с тех пор цитата стала расхожей. Среди опрошенных самый популярный ответ пришелся на Марка Твена, его выбрали 38 %.

Введение. Факты устарели

На очередной вечеринке кинодеятелей в Малибу группа гостей взялась за обычное в Голливуде развлечение – критиковать чей-нибудь фильм. Вспомнили кассовый провал дорогостоящего псевдовикторианского «Гамлета» Кеннета Браны. Высокооплачиваемым звездам – начиная с Дерека Джекоби и Джуди Денч и заканчивая Робинот Уильямсом и Билли Кристаллом – поручили неподходящие роли. Но даже этим не объяснить, почему премьерный показ, состоявшийся в выходные, собрал всего 90 тысяч долларов.

- Может быть, – пошутил кто-то, – виноват тот, кто написал сценарий?
- А кто же его написал? – заинтересовалась руководитель студии.
- Да я про Шекспира...

Руководитель студии все равно не поняла. Пришлось ей объяснить, что Шекспир – это Уильям Шекспир. Не какой-то современный сценарист, а величайший английский драматург, живший несколько веков назад.

Конечно, выпускница Южно-Калифорнийского университета, с отличием окончившая юридический факультет, о Шекспире кое-что слышала. А вот того, что фильм «Гамлет» снят по одной из шекспировских пьес, она и не знала.

В Лос-Анджелесе, где я живу, подобные истории – обычное дело. Эрудиция и невежество в кинематографической среде всегда шагали рука об руку. Взять хотя бы «Поклонника», триллер 2015 г. Там есть эпизод, в котором героиня Дженнифер Лопес получает от сексуально озабоченного соседа первое издание Илиады.

- Оно стоит целое состояние! – восклицает она, не решаясь принять подарок.
- Всего доллар на распродаже, – отвечает подросток.

Илиаду Гомер написал за две с лишним тысячи лет до возникновения книгопечатания. Ролик про «первое издание» стал очень популярен среди более литературно образованных пользователей интернета. Вот что они писали в Twitter:

«Есть у меня первое издание Торы, как-нибудь покажу³. Вытащил из мусорного бака», «Машину времени и комнату, где Гомер прикован цепью к письменному столу, – этого нам точно никогда не покажут», «Вот те раз! Западная цивилизация попала впросак».

На просьбу эту оплошность объяснить киносценарист Барбара Карри ответила, что про первое издание Илиады она «в своем варианте сценария ничего не писала»⁴.

Впрочем, библиофилы действительно говорят о «первом издании Илиады и Одиссеи». Текст на греческом языке отпечатали во Флоренции в 1488 г. Аукционная фирма Sotheby's недавно продала один такой экземпляр за 25 тысяч фунтов⁵, что действительно можно расценить как целое состояние. И он ничуть не похож на книгу из фильма, с английским текстом и безупречным золотым обрезом. Насмешки в интернете появились совсем не без причины: одно лишь упоминание о первом издании гомеровской Илиады собьет с толку любого образованного зрителя. Могли бы просто взять первое издание «Завтрака у Тиффани», «Бесконечной шутки» или другого современного романа, которые и правда можно купить на домашней распродаже. Создатели фильма либо решили, что никто из зрителей «Поклонника» странности не заметит, либо не заметили ее сами. Дженнифер Лопес в этом фильме играет роль учительницы английской литературы.

³ Amy Miller. New J-Lo Movie Makes «First Edition “Iliad” a Thing». Legal Insurrection, 4.02.2015: bit.ly/1aKNK0j.

⁴ Hillin, 2015.

⁵ Сайт Sotheby's, Auction Results, Music, Continental Books, and Manuscripts, 5.06.2013: bit.ly/1GLJ06l.

В 2011 г. выходит «Ранго» – мультфильм про хамелеона, который становится шерифом в одном из городов Дикого Запада, населенном обаятельными существами, нарисованными на компьютере. О том, как возник замысел, режиссер Гор Вербински рассказывает так: «Мы лишь перебирали разные варианты. А что, если анимационный вестерн с обитателями пустыни?.. Это, в общем, и стало точкой отсчета. Дальше нужен герой – чужак в классическом смысле. А раз пустыня, то почему бы не водное животное? А если водное, то почему бы не хамелеон?»⁶

В яблочко! Героем стал хамелеон. Вот разве что хамелеоны в воде не живут. Они – ящерицы и обитают в лесах, саваннах и пустынях Африки. Хамелеон в пустыне – это никак не рыба, вытасченная из воды.

Выходит, что Вербински, преуспевающий режиссер суперпопулярного цикла «Пираты Карибского моря», этого факта просто не знал. И ни на одной презентации кинопроекта никто ему не сказал: «Знаешь, Гор, с чужаком идея-то блестящая, но хамелеон, видишь ли, в воде не живет...»

Не все ли равно? Это только мультфильм. К тому же хамелеоны не говорят, зато Ранго разговаривает. Смотреть в кино, как животные разговаривают, интересно как раз потому, что все знают: животные не говорят. Назвать же хамелеона водным животным – значит сделать обыкновенный ляп, отклониться от действительности, не добавив ни художественности, ни зрелищности. Вербински достиг вершины в одной из самых высококонкурентных профессий нашего времени. Так что допущенный им промах свидетельствует не о том, что он мало знает, а о том, что он принадлежит к культуре, в которой на факты обращают мало внимания. И это культура не Голливуда, а современной Америки.

⁶ Itzkoff, 2011.

Часть 1. Эффект Даннинга – Крюгера

1. «Ведь я же намазался соком»

Упустить приземистого и пухлого грабителя было просто невозможно. 19 апреля 1995 г. он среди бела дня совершил налет на два питтсбургских банка. На видеозаписи с камер слежения четко видно и его лицо – он был без маски, – и как он наставил пистолет на кассира. Полиция распорядилась, чтобы видеозапись показали в местных 11-часовых новостях. Через несколько минут в участок поступил звонок, а около полудня полицейские стояли на пороге дома в Мак-Киспорте и стучали в дверь. Подозреваемым оказался Макартур Уилер. Как его вычислили, он не понимал. «Ведь я же намазался соком»⁷, – повторял он.

В участке Уилер объяснил, что натер лицо лимонным соком, чтобы оно стало для камер невидимым. Полицейские пришли к заключению, что дело не в галлюцинациях или наркотиках – этот человек всего-навсего глубоко заблуждается.

Уилер знал, что лимонный сок используют как невидимые чернила. Он рассудил, что с помощью лимонного сока можно сделать невидимым для камер также и лицо. Перед ограблением он это проверил, намазав лицо соком и щелкнув себя на поляроид. Лица на фотографии не оказалось! (С этим детективы так и не разобрались. Скорее всего, Уилер в фотографии понимал не больше, чем в банковских налетах.) В его плане, как заверил Уилер, был лишь один недостаток. Лимонный сок так сильно щипал глаза, что он почти ничего не видел.

Уилера отправили в тюрьму и записали в число самых непутевых в мире преступников. История, попавшая в 1996 г. на страницы «Всемирного альманаха», оказалась до того захватывающей, что привлекла внимание Дэвида Даннинга, профессора психологии из Корнеллского университета. В этой печальной повести о недалеком человеке он усмотрел некоторую закономерность. Чем меньше мы знаем и умеем, тем больше не подозреваем о своем невежестве. В дальнейшем это наблюдение стало известно как эффект Даннинга – Крюгера.

Профессор Даннинг и аспирант Джастин Крюгер решили провести серию тестов, чтобы проверить свою догадку. Они предложили студентам задания на проверку грамматики, логики и чувства юмора. Затем попросили каждого оценить свои собственные результаты, а также насколько они хороши по сравнению с результатами остальных (в процентах). Оказалось, что студенты с низкими показателями имеют на свой счет несоразмерно высокое мнение. Даннинг этого ожидал, но не в таких масштабах. «Ничего себе!»⁸ – воскликнул он, увидев результаты. Те, кто выполнил меньше всего заданий, посчитали, что превосходят своими знаниями двоих студентов из каждых трех.

Студенты, выполнившие больше заданий, оценили свои способности, казалось бы, более объективно. Но те, кто справился лучше всех (готовы это услышать?), свои знания относительно остальных несколько *недооценили*.

Исследователи заметили: чтобы оценить, насколько ты выполнил задание по грамматике, нужно грамматику знать. Другого способа нет. Те, кому не хватает знаний, также неспособны оценить, насколько их не хватает.

Каждый думает, что знает, что смешно, а что нет. Тест на чувство юмора состоял из двух пунктов:

1. *Вопрос:* Что растет с человека, но ничего не весит? *Ответ:* Его тень.

⁷ Morris, 2010.

⁸ Интервью автора с Дэвидом Даннингом, 12.06.2015.

2. Если ребенок спросит, откуда берется дождик, скажите ему: «Это Боженька плачет». А станет допытываться почему, ответьте: «Ну, наверное, ты что-то сделал не так».

В задании предлагалось выбрать самую смешную шутку из двух. У Даннинга и Крюгера на руках были результаты опроса, проведенного среди профессиональных юмористов. Полученный от них средний результат считался единственно верным. Комики отметили первую шутку как совершенно не смешную, тогда как вторую (написал ее Джек Хэнди, участник телепередачи «Субботним вечером в прямом эфире») сочли чрезвычайно смешной. Некоторым выбор дался с трудом, но в своих способностях определять смешное никто не сомневался.

В дальнейшем сфера исследования вышла за пределы университета. Даннинг и Крюгер провели еще один эксперимент среди любителей пострелять по тарелочкам на природе и по мишеням в тире⁹. Добровольцы ответили на 10 вопросов по технике безопасности стрельбы и стрелковым навыкам – сокращенный вариант тестового задания, позаимствованного у Национальной стрелковой ассоциации. И снова владельцы оружия, которые в технике безопасности не понимали почти ничего, поставили своим знаниям сильно завышенную оценку.

У этого правила, как и у многих других, есть исключения. «За примером далеко ходить не надо, – пишут Даннинг и Крюгер, – чтобы отыскать людей, обладающих поразительно глубокими познаниями, допустим в тактике и стратегии баскетбола, но даже под угрозой смерти не способных забросить мяч в корзину (речь идет о тренерах)»¹⁰. Но тренеры, конечно, осознают пределы своих физических возможностей. Равно как и «многие люди без колебаний признают себя неспособными перевести пословицы со словенского языка, собрать восьмицилиндровый V-образный двигатель или диагностировать острый рассеянный энцефаломиелит».

Для срабатывания эффекта Даннинга – Крюгера человеку необходимы зачаточные знания и опыт в той области, в которой он толком не разбирается (при этом о своем незнании он не догадывается). К примеру, эффект действует среди водителей: плохой шофер обычно считает себя хорошим шофером. Не действует он на того, кто никогда не садился за руль.

С тех пор как в 1999 г. Даннинг и Крюгер впервые опубликовали научную статью «В незнании и неведении: как трудности в осознании собственной некомпетентности ведут к завышенной самооценке»¹¹, названный в их честь эффект превратился в стереотип. Он задел понятную каждому струну: по выражению Даннинга, «кому ж не встречался самоуверенный болван»¹². В 2000 г. ученым была присуждена шуточная Шнобелевская премия. На YouTube есть популярный видеоролик¹³, в котором эффект Даннинга – Крюгера объясняет актер Джон Клиз: «Если человек очень, очень глуп, как вообще он может понять, что очень, очень глуп? Ему нужно быть относительно умным, чтобы осознать, насколько он глупый... И этим объясняется не только Голливуд, но и почти все, происходящее на Fox News». В интернете эффект Даннинга – Крюгера стал популярен в саркастических комментариях (хотя те, кто их пишет, совсем не обязательно что-то в нем понимают). В статье 1999 г. авторы высказались на этот счет достаточно определенно: поиск неучей по Даннингу – Крюгеру начинать следует перед зеркалом.

⁹ Ehrlinger, Johnson, Banner, et al., 2008.

¹⁰ Kruger and Dunning, 1999, 1132.

¹¹ Kruger and Dunning, 1999.

¹² Интервью автора с Дэвидом Даннингом, 12.06.2015.

¹³ Bit.ly/1os8vxN.

«Знания»

Первой успешной поисковой системе дали название, синонимичное выражению «назойливый простак». В середине 1990-х Yahoo открыл нам мир, в котором факты стали доступны каждому. Стоит пару раз нажать на клавиши или произнести заветные слова, как словно по волшебству почти любой записанный факт предстанет перед нашим взором. А были времена, когда в спорных вопросах на избитые темы политики, шоу-бизнеса, секса и спорта обращались за советом к бармену. Теперь же посетители достают смартфоны или умные часы. Благодаря этим волшебным мобильным устройствам зайти в сеть можно за столиком в кафе, на беговой дорожке в спортзале или в пути на заднем сиденье. А еще на совещании, во время лекции и в кровати перед сном.

Так зачем беспокоиться и забивать голову фактами?

Да хотя бы ради «Знаний» – известного своей сложностью экзамена для лондонских таксистов. В информации для соискателей сказано:

Чтобы соответствовать стандартным требованиям и получить лицензию¹⁴ на работу таксистом по всему Лондону, вам необходимо в первую очередь доскональное знание территории в радиусе 10 км от центрального перекрестка Чаринг-Кросс. Также вам потребуется знать: все улицы, микрорайоны; автобусные остановки и станции метро, офисы авиакомпаний; финансовые и коммерческие центры, здания дипломатических представительств, штаб-квартиры компаний; учреждения и департаменты, здания муниципалитета, отделы ЗАГС, больницы, храмы; школы, колледжи и университеты; гражданский, уголовный и коронерский суды, тюрьмы, полицейские участки; парки и рожи, спортивные стадионы и развлекательные центры, отели, клубы, театры, кинотеатры, музеи, картинные галереи, туристические достопримечательности. Фактически расположение любого места, куда пассажир попросит отвезти.

В границах 10-километрового радиуса требуется запомнить 25 тысяч улиц. Кроме того, предполагается, что водитель лондонского такси, как живой навигационный прибор, способен мгновенно выстроить удобный маршрут между двумя названными точками.

Но в воздухе витает дух перемен. В Лондоне, как и в других крупных городах, в сферу услуг такси вклинился Uber, мобильный сервис, позволяющий вызвать непрофессионального таксиста. Нет сомнения, что водитель Uber не сравнится с лондонским таксистом, имеющим сертификат «Знаний». Очевидно и то, что водитель Uber будет пользоваться навигатором.

Что лучше – ехать со знающим водителем или с тем, кому каждый поворот диктует приложение? В Лондоне об этом сейчас много спорят. Таксисты и их сторонники говорят об ограничениях и сбоях GPS-навигации так, будто сами никогда не ошибаются. Подоплека этого в том, что «Знания» – еще одна уникальная британская традиция, которая может исчезнуть.

Догадаться, чем кончится дело, несложно. Приложение Uber в Лондоне или запретят, или примут, сам переход произойдет либо быстро, либо растянется на десятилетия, но в какой-то момент цифровой прогресс победит. Водители по найму перестанут запоминать городские карты.

¹⁴ Rosen, 2014.

Передача прерогативы знаний цифровым устройствам – сюжет, популярный в XXI в. Какими бы ни были ваши профессиональные знания, в «облаке» они уже есть или скоро будут. Ваши знания окажутся не такими актуальными, как те, что в сети, а сама сеть станет быстрее выдавать результаты, и качество соединения улучшится. А что потом?

В XX в. панически боялись, что людей заменят машины. В веке нынешнем мы панически боимся того, что нас заменят низкооплачиваемые менее компетентные работники, взаимодействующие с машиной. Вместо настоящих знаний низкооплачиваемый работник имеет знания-полуфабрикат – умеет, к примеру, пользоваться системой GPS. Сторонники технического прогресса считают, что этот вид созидательного разрушения неизбежен и станет в итоге благом для всех. Насчет неизбежности они совершенно правы. Прискорбно, но нет никаких гарантий, что после этих перемен мы будем жить в лучшем из возможных миров.

Экзамен «Знания» – это настоящий социальный лифт, которых пока еще так мало в чопорной Британии. Классовая принадлежность, раса, религия, пол и возраст не имеют значения. Важно только знать улицы. И хотя на подготовку к экзамену могут понадобиться годы, времени и средств обычно уходит гораздо меньше, чем на обучение в колледже. В Лондоне таксист зарабатывает больше, чем многие выпускники колледжа, и в отношении рабочего графика сам себе хозяин.

Uber предъявляет к водителям гораздо меньше обязательных требований. «Гораздо меньше» и их заработок. Водитель Uber не имеет никакого отношения ни к карьерному, ни к социальному продвижению. И так будет до того неминуемо грядущего дня, когда на смену водителям Uber придет беспилотный автомобиль.

Умнее ли вы первоклассника, обучавшегося по «Единым образовательным требованиям»?

Как говорится, менять программу обучения – все равно что переносить кладбище. Но кое-что все-таки меняется. В 2013 г. в «Единых образовательных требованиях» из набора предметов убрали обучение безотрывному письму по прописям, вычеркнув его из списка навыков, необходимых американскому школьнику. Линден Бейтман, представитель штата Айдахо, пришел в ярость. «Современные исследования показывают, что, когда ребенок пишет от руки, задействовано больше участков мозга, чем когда он печатает на клавиатуре», – негодовал он. – Я просто не могу поверить, что штаты позволили убрать прописи из стандартного набора предметов». Бейтман заметил, что в год пишет более ста писем от руки¹⁵.

Бейтман, которому 72, несколько старше современных американских школьников. Но в своих взглядах он оказался не одинок. Вслед за изменением школьной программы сразу послышались упреки... от лоббистов, тоскующих по прошлому? Но им хватило влияния, чтобы в семи штатах, включая Калифорнию и Массачусетс, вернуть обучение слитному письму в образовательную программу штата¹⁶.

Вопрос не в том, считать ли письмо полезным навыком, а в том, считать ли его *более* полезным. Ведь можно было бы обучать чему-нибудь другому. Каждый учебный час, отведенный на прописи, – это учебный час, не отведенный на что-нибудь еще.

Перед образованием всегда стоит дилемма: обучать фактам или навыкам. С одной стороны, механическое запоминание: таблица умножения, правила, даты. С другой стороны, обучение критическому мышлению и соответствующим навыкам (например, как искать информацию в интернете, если понадобится уточнить какой-то факт). Если вот так все упро-

¹⁵ Wagstaff, 2013.

¹⁶ Ibid.

стить, многие из нас предпочтут обучаться навыкам. Лучше научиться ловить рыбу, чем получить мешок селедки.

«Должен ли школьник знать столицу Колумбии?»¹⁷ В 2009 г. Брайан Кэткарт, профессор кафедры журналистики Кингстонского университета, задал этот вопрос Дэвиду Фэнну, председателю комитета по начальному общему образованию Национальной ассоциации директоров школ Великобритании. Ответом Фэнна стало звучное «нет». «Заучивать столицы городов мира им не нужно, – пояснил он. – Столицу Франции – да, но не столицу Колумбии. Им гораздо больше пригодится навык работы с атласом».

Мнение Фэнна не ново. Викторианские методы обучения, основанные на зубрежке, высмеял еще Чарльз Диккенс, создав Томаса Грэдграйнда, бессердечного директора школы в романе «Тяжелые времена». «Итак, я требую фактов, – повторял Грэдграйнд. – Учите этих мальчиков и девочек только фактам»¹⁸. Со временем Грэдграйнд, подобно Эбенезеру Скруджу, прозревает. Он приходит к мысли, что это еще один кирпич в стене образования, в котором, как пели Pink Floyd, мы не нуждаемся.

Доля правды в романе Диккенса (как и в рок-опере «Стена» группы Pink Floyd), конечно, есть. Того, кто, подобно Скруджу, прозрел, бесполезно убеждать в значимости каждого факта-кирпича. Если убрать кирпич, стена останется. Если убрать много кирпичей – но не слишком много и не в одном месте, – стена все равно останется.

Этот принцип дает сбой тогда, когда заходят слишком далеко и начинают считать, что большинство кирпичей совсем не нужны. Но если их убрать, другие останутся без опоры, и стена обрушится. Учащимся необходимо накопить критическую массу фактов, которая создаст примерное представление о том, что они знают и чего не знают. Только тогда им удастся избежать эффекта Даннинга – Крюгера, незнания о собственном невежестве. И только тогда они смогут восполнить пробелы при помощи Google.

Подумаем над тем, что значит «посмотреть» столицу Колумбии. Для этого требуется не только умение пользоваться атласом или искать информацию в сети, но также знание нескольких фактов:

1. Есть страна под названием Колумбия.
2. Практически у каждой страны есть столица.

Первому факту учат в школе. Второй редко когда сообщают напрямую, в школе или где-то еще. Это допущение, к которому ученики приходят самостоятельно, после того как познакомятся со многими странами и столицами. Тот, кто не знает первого и второго фактов, просто не догадается, что у Колумбии есть столица, название которой можно посмотреть. На деле факты и навыки не так-то просто разграничить. В образовательной программе слишком большой перекося в сторону чего-то одного приводит к неэффективной работе мозга обучающегося.

В «Единых образовательных требованиях» набор предметов сформировался как результат консервативной реакции на либеральные веяния в образовании. Ее идеологом стал профессор английского языка и литературы Виргинского университета Эрик Доналд Хирш-младший, понявший, что предубежденность против обучения фактам приняла слишком категоричную форму. Он заметил, что у студентов появились пробелы в культурном бэкграунде, которых у предыдущих поколений не было. Хиршу вспомнилось, как отец, занимавшийся в Мемфисе торговлей хлопком, использовал в деловой переписке аллюзии на Шекспира, которые его партнеры по торговле прекрасно понимали.

¹⁷ Cathcart, 2009.

¹⁸ Диккенс Ч. Тяжелые времена / Пер. В. Топер. // Собр. соч.: в 30 т./М.: ГИХЛ. Т. 19. С. 6.

Хирш ругал образовательную систему, в которой упор делают на обучение навыкам и критическое мышление, а фактами пренебрегают. Зачастую детям приводят факты только в качестве примеров. Хирш доказывал, что факты на самом деле значат многое. Вместе с помощниками он составил список, в котором насчитывается около пяти тысяч персоналий, событий и идей – все, о чем, по их мнению, должен знать каждый образованный человек. В перечень вошли такие понятия, как *гамма-излучение*, *рококо*, *абсолютный ноль*, *бестактность* и *зависть к пенису*. Они, как отметил Хирш, являются частью «информационного поля»¹⁹, которое есть у каждого компетентного читателя», «фоновых знаний, хранящихся в памяти, благодаря которым он, беря в руки газету, воспринимает написанное на адекватном для понимания уровне: ухватывает суть, улавливает подтекст, соотносит прочитанное с контекстом, без которого прочитанное не получилось бы осмыслить».

Список Хирша лег в основу бестселлера «Культурная грамотность: Что должен знать каждый американец», написанного в 1987 г. В ней Хирш описывает такой эксперимент. Студент Гарвардского университета Дуглас Кингсбери, находясь на Гарвардской площади, спрашивал прохожих: «Как попасть на Центральную площадь?»²⁰ Большинство отвечали просто: «Одна остановка на метро».

Затем Кингсбери прикинулся туристом и спросил так: «Я приезжий. Можете подсказать, как попасть на Центральную площадь?» На этот раз отвечали гораздо подробнее.

Да, конечно, вам надо спуститься в метро²¹. Вон там увидите вход. Как спуститесь по лестнице, купите жетон, опустите в турникет и идите на ту сторону, где написано «Куинси». Сядьте на поезд до «Куинси», но ехать совсем недалеко, первой же остановкой будет «Центральная площадь», на ней вам и надо сойти. Увидите, на стене будет крупно написано «Центральная площадь».

Все не задумываясь понимали, что туристу понадобятся более подробные указания. Здесь для него не будет знакомых ориентиров, а то, что могло бы показаться жителям Бостона очевидным, придется объяснить ему на пальцах. Кингсбери установил, что указания станут еще подробнее, если говорить с миссурийским акцентом. Хирш увидел в этом подтверждение тому, что благодаря общности культурных ориентиров коммуникация становится проще и полнее – в выигрыше оказываются все.

Принять главный довод Хирша несложно, а вот сказать, в какой мере он справедлив, не так-то просто. В списке Хирша полно терминов, заимствованных у древних греков и римлян – цивилизаций, память о которых живет в таких словах, как *менторский*, *латонический*, *лесбийский* (хотя древнему греку догадаться об их нынешнем значении было бы нелегко). Однако чтобы понять эти слова, читать Софокла не нужно.

Сегодня мало кого волнует, что подрастающее поколение не сумеет распознавать аллюзии на классиков Троллопа и Теккерея. Нас больше озадачивают публицистические статьи с цитатами из мало кому известных телесериалов, публикации на Facebook с отсылками к взглядам представителей микросубкультур в отношении еды, музыки, политики, моды и кино. Повод ли это для беспокойства или всего лишь очередная причуда нашей жизни?

В любом случае идеи Хирша остаются влиятельными (и противоречивыми). Без них в «Единых образовательных требованиях» не было бы того набора предметов, который утвержден сейчас в 42 штатах и федеральном округе Колумбия²². Выражение «Единые образо-

¹⁹ Hirsch, 1987, 2.

²⁰ Krauss and Glucksberg, 1977.

²¹ Hirsch, 1987, 4.

²² Boylan, 2014.

вательные требования» многие родители и политики воспринимают в штыки. Некоторые считают, что «Единые образовательные требования» – это попытка навязать прогрессивные взгляды (в том числе на теорию Дарвина и общественную значимость женщин и меньшинств) наименее прогрессивным в Америке школьным округам. Как выразилась губернатор Южной Каролины Никки Хейли, «нам никогда не захочется, чтобы в Южной Каролине детей обучали так, как в Калифорнии»²³.

В действительности «Единые образовательные требования» – это вполне безобидная образовательная программа, определяющая перечень тем, которые необходимо раскрыть на каждом этапе обучения. В разделе, посвященном развитию родного языка и культуры речи, указано, что дети, отучившиеся в первом классе, должны:

- знать, что Месопотамия – это «колыбель цивилизации»;
- находить Египет на карте мира или глобусе и знать, что это часть Африки;
- знать, что древние египтяне писали иероглифами;
- объяснить, что христианство возникло позже иудаизма;
- считать Солнце звездой;
- объяснить, что, когда на другом конце света наступает ночь, у нас начинается день;
- считать Плутон карликовой планетой;
- знать, что сердце – это мышечный орган, который постоянно работает;
- знать, откуда взята строка «Одну, если сушей, а морем – две»²⁴;
- объяснить, что первые негры в английских колониях приехали работать в Джеймстаун по контракту, а не как рабы;
- объяснить значение праздника Четвертое июля.

Вы можете возразить: «Погодите, но ведь это совсем не похоже на “Единые образовательные требования”. Уж я-то видел на Facebook, какие бредовые задания даются школьникам...» Действительно, выражение «Единые образовательные требования» стало интернет-мемом. Теперь это универсальный хештег для любого эксцентричного задания, которое получают школьники в каком-нибудь американском штате, где действует программа²⁵. Конечно, каким будет домашнее задание, решает учитель. И с тем, что он может оказаться не в себе или просто встать не с той ноги, ничего не поделаешь. Никто же не станет выкладывать в сети домашнее задание, если оно самое обыкновенное. «Единые образовательные требования» могут казаться бредовыми потому, что информацию о них в социальных сетях публикуют выборочно – наглядный пример искажения действительности с помощью информационных технологий.

И все-таки основания критиковать «Единые образовательные требования» имеются: в них от учащегося требуется слишком многое, пожалуй, даже невозможное. Я провел исследование, чтобы проверить, знают ли взрослые то, что должен знать первоклассник²⁶. В среднем из списка, о котором речь шла чуть выше, взрослый американец сумел ответить на семь вопросов из десяти.

Умнее ли вы первоклассника, обучавшегося по «Единым образовательным требованиям»?

²³ Ibid.

²⁴ Лонгфелло Г. Скачка Поля Ревира. Перевод М. А. Зенкевича.

²⁵ См., например, на Facebook страницу «Бред, который школьникам задают по “Единым образовательным требованиям”» (Common Core Crazy Homework), on.fb.me/1EetjGk.

²⁶ В этом исследовании практически за каждым вопросом следовали четыре возможных ответа и вариант «Не знаю».

Результаты опроса больше всего радуют тем, что идея «день тут, а ночь там» усвоена накрепко. Пожалуй, можно не обращать внимания на то, что о понижении Плутона в ранге до карликовой планеты помнят меньше половины. Изменение, по сути, номенклатурное, однако об этом в 2006 г. много и охотно писали в СМИ. В голове не укладывается другое: как может каждый второй жить и не знать, что Солнце – это звезда. Ведь это же совсем не новость.

Демонстрации публичного невежества стали обычным делом, на них, кстати, строятся сюжеты ночных комедийных телепрограмм. Уже несколько лет в Исследовательском центре Пью проводятся социологические опросы на проверку знаний общего характера. В сентябре 2010 г. социологи из Центра Пью обнаружили, что среди взрослого населения Америки 41 % не могут назвать имя вице-президента²⁷. В вопросе типа «да/нет» 20 % согласились с тем, что принцип работы лазера основан на фокусировании звуковых волн. В вопросе с несколькими вариантами ответа 58 % неверно указали автора романа «Моби Дик», причем 4 % решили, что это Стивен Кинг.

Что знает представитель поколения миллениума

Поколение миллениума – законодатель как новых путей к знанию, так и возможности его не иметь. В нестрогом определении поколение миллениума – это те, кто родился в промежутке между началом 1980-х и началом 2000-х. Именно они впервые при подготовке домашней работы стали вместо бумажных энциклопедий цитировать Википедию, а вместо теленовостей смотреть юмористические передачи. Если современным СМИ все-таки удалось размягчить человеческий мозг, это поколение должно было пострадать сильнее всех.

²⁷ Исследовательский центр Пью, опрос «Кто что знает о религии» (Who Knows What About Religion), 28.09.2010, pewrsr.ch/1pD7bxq.

Психологи Джон Данлоски и Кэтрин Росон опросили 671 студента Кентского университета и Университета штата Колорадо, предложив им список из 300 вопросов на знание общеизвестных фактов²⁸. В их числе оказались следующие пять:

Кто написал роман «Братья Карамазовы»?²⁹

Как называется горная цепь, отделяющая Европу от Азии?

Как звали капитана британского корабля «Баунти», на котором подняли мятеж?

Кем по профессии был Джон Кеннет Гэлбрейт?

Как звали кубинского лидера, свергнутого Фиделем Кастро?

Такие вопросы могли бы прозвучать в семейной викторине для приятного времяпрепровождения. Попробуйте догадаться, сколько студентов дало на них ответ?

Нисколько. Из 671 студента никто не сумел ответить ни на один из этих пяти вопросов.

Стоит отметить, что поколению миллениума страна дала лучшее образование. Но более образованный не означает более знающий. К такому заключению можно прийти, посмотрев результаты опубликованного в 2015 г. доклада Службы образовательного тестирования – организации, проводящей отборочные тесты в масштабах всей страны. В докладе сравнивались языковые, математические и компьютерные знания и навыки учащихся поколения миллениума в Америке и 22 странах. Баллы американских абитуриентов оказались одними из самых низких во всех категориях.

Результаты, полученные Службой образовательного тестирования, сводятся к трем показателям³⁰: средний уровень по стране, 10-й перцентиль (результат тех, кто справился не лучше, чем 10 % учащихся с самыми низкими баллами в каждой стране) и 90-й перцентиль (результат тех, кто справился не лучше, чем 90 % учащихся с самыми высокими баллами в каждой стране). Таким образом, получилось три разных величины, но все они ударили по самооценке американцев.

Среди американских абитуриентов 10 % с наиболее низкими баллами превзошли в невежестве всех, выполнив задания хуже своих ровесников из остальных стран, писавших тесты. Результаты среди группы 90-го перцентилля оказались почти такими же печальными. Самые умные и сообразительные абитуриенты в Америке справились с заданиями лучше, чем в Испании; согласно статистике, с участниками из некоторых стран они оказались на равных. И все же американские учащиеся поколения миллениума с наиболее высокими баллами оказались далеко позади ровесников из Словакии, Норвегии, Японии, Германии, Канады и Австралии.

В Службе образовательного тестирования пришли к выводу, что

по сравнению с прошлыми поколениями американцев эти молодые люди прошли лучшую образовательную подготовку³¹. Однако в среднем они демонстрируют относительно слабую языковую, математическую и технологическую грамотность по сравнению с их ровесниками в других странах... Неменьшие опасения вызывает то, что полученные результаты свидетельствуют о снижении языковой и математической грамотности американских подростков относительно уровня, выявленного тестированиями прошлых лет.

²⁸ Tauber, Dunlosky, Rawson, et al., 2013.

²⁹ Ibid.

³⁰ Coley, Goodman, and Sands, 2015, 17.

³¹ Ibid, 2.

Почему поколение миллениума в Америке отстает от других, никто на самом деле не знает. Бытует мнение – никем, однако, не доказанное, – что отчасти виноваты мобильные телефоны. Молодежи со смартфонами в Америке гораздо больше, чем где-то еще. В 2014 г. среди американцев не старше 30 смартфон имелся у 86 %, среди китайцев – у 69 %, среди русских – у 46 % и среди бразильцев – у 25 %³². Благодаря смартфону интернет, где можно найти ответы, теперь всегда под рукой. Тому, кто с малых лет привык получать мгновенную справку в сети, трудно усвоить традиционные взгляды на необходимость запоминать факты. В этом отношении американская молодежь, быть может, олицетворяет наше всеобщее будущее: меньше знаний, потому как меньше необходимости что-либо знать.

Проведенное мной исследование подтверждает то, что удалось обнаружить другим. В Америке поколение миллениума не знает многих фактов, которые можно считать фундаментальными в плане культурной грамотности³³. Вот для наглядности некоторые из них.

Большинство представителей поколения (более 50 %) не могут назвать ни одного убийцу американского президента, ни одного ученого, открывшего планету. Они не знают, кого из учеников Сократ любил больше всех и какой смертельный яд он принял. Не могут сказать, кто написал «Кентерберийские рассказы», «Трамвай “Желание”» или «1984». Не знают названия дворца, построенного Людовиком XIV, или усадьбы Томаса Джефферсона в Виргинии. Не в состоянии подобрать односложный синоним к выражениям «мясо оленя», «человек, занимающийся исследованием пещер» или «клевер как символ Ирландии». Не знают имени эстрадного певца, исполнившего шлягеры «Heartbreak Hotel» и «All Shook Up», или актеров, сыгравших главные роли в фильмах «Унесенные ветром» и «Касабланка». Незнакомы с художниками, написавшими «Гернику», «Постоянство памяти» и «Американскую готику», или со знаменитым иллюзионистом, прославившимся своими «побегами» и умершим от перитонита. Не знают, кто изобрел паром, телеграф, фонограф и радио. Не догадываются, кто высказал идею о вращении Земли вокруг Солнца, кто опытным путем показал электрическую природу молнии, кто сформулировал теорию относительности. Не могут назвать хотя бы две самых ярких звезды на небе (которые, кстати, называются Солнце и Сириус). Не знают, какой океан на Земле самый большой, как называется самая длинная в мире южноафриканская река, в каком городе находится аэропорт Хитроу и какой горной цепи принадлежит Эверест. Не помнят имен ни той женщины, которая открыла радий, ни той, что по легенде придумала и сшила первый американский флаг, ни той царицы Египта, которая заключила с Марком Антонием военный союз против Рима. Не могут узнать на фотографии Карла Маркса, королеву Викторию, Чарльза Диккенса. Не могут одним словом назвать ни отряд вымерших пресмыкающихся, буквально означающий «ужасные ящеры», ни огромных волосатых пауков, предпочитающих кроны деревьев в экваториальных лесах, ни ядовитых змей, которых укрощают индийские заклинатели, ни пушистого зверька, для которого эти змеи – добыча. Не найдутся с ответом, если спросить о столице штата Нью-Йорк или какой металл при комнатной температуре находится в жидком состоянии. Не помнят, чем Фрэнк Ллойд Райт зарабатывал себе на жизнь. Не скажут, как звали в «Моби Дике» капитана китобойного судна «Пекод», на каком корабле Чарльз Дарвин совершил кругосветное путешествие, как называлась секретная программа создания атомной бомбы, как назывался первый искусственный спутник. Не знают ни древнего города, знаменитого висячими садами Семирамиды, ни города, разрушенного при извержении Везувия, ни имени императора, который декламировал поэму, пока горел Рим. И большинство из них не смогут назвать то единственное слово, которое молвил ворон в стихотворении Эдгара Аллана По.

³² Nielsen, 2014. Данные по Китаю, России и Бразилии: Исследовательский центр Пью, 2014.

³³ Большинство данных приводится по моим собственным исследованиям. См. также: Tauber, Dunlosky, Rawson, et al., 2013.

Рациональное невежество

Обыкновенно на такие заявления реагируют с негодованием и изумлением. Ужасно, как мало знает молодежь или обыватель – ведь так? Задаться бы лучше вопросом, откуда мы знаем, что это ужасно, и ужасно ли это в принципе.

Невежество может быть рациональным³⁴. Об этом в 1950-х заявил экономист Энтони Даунс. Он имел в виду, что во многих ситуациях усилия, необходимые для приобретения знаний, превосходят пользу от них. Примером тому избиратель, который следит за развитием событий в мире политики. Зачем ему это? Все, что есть у избирателя, – право одного голоса, ни разу не переломившего исход выборов и не способного его изменить.

И наоборот, вы получили диплом и высокооплачиваемую работу, но так и не познакомились со стихотворением о вороне, который что-то молвил. Зачем оно вам?

В современном мире к знаниям относятся двояко. С одной стороны, мы обожаем учиться и придерживаемся взгляда на знания как на самоцель. Но для нашей другой, себялюбивой, стороны знание – не самоцель, а способ подняться по социальной лестнице, обогатиться, получить власть или *что-то еще*. К образованию, которое не сулит перспектив, мы относимся с недоверием и, увидев статью «Восемь специальностей, на которые больше потратишь, чем потом заработаешь»³⁵, обязательно перейдем по ссылке.

Мы живем в золотом веке рационального – и рационализированного – незнания. С невероятной скоростью информация порождается, обесценивается и устаревает. Каждый день на наших глазах меняется сама культура. Стало труднее не только отслеживать происходящее, но и верить, что быть в курсе событий действительно нужно. И мы рассуждаем о том, как важно следить за событиями на Ближнем Востоке, в мире современной литературы, местной политики, передовых технологий и университетского баскетбола. Недавно мой приятель спросил, нормально ли не знать ничего об «Игре престолов». Ответить ему, что всю необходимую информацию можно найти в сети, в этом случае не получится – Google за нас мнения не составит.

Знания того, кто эрудицией не блещет, необязательно скудные. Они полнее в чем-то другом. Геймер день и ночь проводит за видеоиграми – его познания в этой области энциклопедические. Невеждой его можно назвать только в тех вопросах, которые принято считать важными. В том, что есть четкий список фактов, которые должен знать каждый, с Хиршем согласны не все. Однако без такого списка понимание того, что значит быть хорошо осведомленным, оказывается безнадежно размытым.

Сегодня средства массовой коммуникации служат далеко не лучшим ориентиром. Они поощряют нас создавать индивидуальные, солипсистские информационные фильтры, отсеивающие действительно важное и пропускающие с небывалой легкостью сплетни из мира звезд, телесериалы, спортивные матчи, политические дебаты и технологические новинки. Таким образом, времени и сил смотреть что-то другое почти не остается. Настоящая опасность не в том, что из-за интернета мы становимся менее знающими или получаем иногда неверные сведения. Возможно, из-за него мы становимся *метаневежественными* – все меньше знаем о своем незнании.

³⁴ Downs, 1957, 244–246; 266–271.

³⁵ 8 College Degrees with the Worst Return on Investment. Заголовок статьи на сайте Salary.com, bit.ly/1e7g5cz.

Эффект Google

Сегодня многие исследователи пытаются установить, какое влияние оказывает интернет на то, что мы узнаём и запоминаем. Все началось с эффекта Google. В 2011 г. гарвардский профессор Дэниел Вегнер предложил добровольцам список из сорока общеизвестных фактов – кратких и ясных утверждений вроде «Глаз страуса больше, чем мозг». Каждому поручили набрать на компьютере все сорок предложений. Одну половину эти факты попросили запомнить, другую – нет. Кроме того, каждому второму сообщили, что набранные предложения сохранятся на компьютере. Всех остальных заверили, что по завершении работы всю информацию тут же сотрут.

Позже добровольцам устроили проверку на знание тех фактов, которые они набирали. Группа, которую попросили эти факты запомнить, справилась с тестом не лучше остальных испытуемых, которых ничего запоминать не просили. Но добровольцы, знавшие, что набранные ими предложения сотрут, выполнили тест гораздо лучше тех, кого заверили, что информация сохранится на компьютере. Причем независимо от того, просили их факты запомнить или не просили.

Пруст был не первым, кто назвал память великой загадкой. Мы помним кусочек печенья «мадлен» в чашке чая, но забываем многие более значимые события и факты. На сознательном уровне мы практически не можем выбирать между «помнить» и «забыть». Ведь никто не станет специально забывать имени делового партнера или постоянно твердить слова из набившей оскомину популярной песни. Это получается само по себе.

Результаты, полученные в Гарварде, подтверждают прагматические особенности нашей памяти. Запомнить все невозможно. Судя по всему, в мозге происходят процессы непрерывной сортировки воспоминаний, независимые от нашего сознания. И похоже, мозг понимает, что если за информацией можно снова обратиться к источнику, то нет особой нужды напрягаться и ее запоминать. (Кто знает, сколько времени пройдет, пока вам пригодится знание о том, какой большой у страуса глаз.) Получается, когда мы верим, что факты у нас под рукой, забываются они чаще. У этого феномена есть собственное название – эффект Google, – и означает он непроизвольное забывание той информации, которую можно отыскать в сети.

Эффект Google открывает ряд интересных и даже сомнительных возможностей. Сообщения, отправленные при помощи приложений вроде Snapchat и Confide – а в них и фотографии, и текст исчезают сразу же после просмотра, – помниться будут, видимо, гораздо лучше, чем содержание SMS-сообщения или электронного письма. Если так, Snapchat перестает быть лучшим средством для отправки пьяных фото с корпоратива.

Попробуем довести эффект Google до абсурда и скажем, что селфи могут вызывать амнезию. Но именно в этом направлении провела научное исследование в 2013 г. Линда Хенкель из Фэрфилдского университета³⁶. Хенкель заметила, что посетители художественных музеев обожают делать снимки на мобильные телефоны и при этом мало уделяют внимания самим экспонатам. В Белларминском художественном музее Фэрфилдского университета она поставила эксперимент. Студентов пригласили на выставку, где экскурсовод провел их к некоторым картинам. Одним поручили их фотографировать, а другим велели делать в блокноте пометки. На следующий день в обеих группах провели опрос, чтобы проверить, как много они помнят. Студенты, которые фотографировали, запомнили хуже, что это за картины и что на них изображено.

³⁶ Henkel, 2014.

Должно быть, наши бессознательные хранители из отдела памяти понимают, насколько быстро и легко любой нужный нам факт можно где-нибудь посмотреть. Из этого следует, что нейронные сети мозга выработали новый режим усвоения и запоминания информации, согласно которому факты реже откладываются в памяти и быстрее забываются. Через несколько лет все мы, наверное, будем носить на себе устройства, круглосуточно записывающие каждое событие нашей жизни. Станет ли интернет причиной всеобщей амнезии?

Что знает Google

Память на источники – это способность вспомнить, когда и где почерпнут тот или иной факт. Память на источники часто подводит, влечет за собой ложные воспоминания³⁷. «Да, хамелеоны обитают в воде. Не помню, где-то я об этом слышал...»

В Гарварде провели эксперимент, показав, до какой степени мы можем полагаться на этот вид памяти. Каждый испытуемый получил список общеизвестных фактов. Было сказано, что храниться они будут в отдельных папках с надписями «Факты», «Даты», «Сведения». Оказалось, что участники эксперимента лучше запомнили, в какой папке какие факты хранятся, но не сами эти факты, хотя они были броскими и краткими («Глаз страуса больше...»), а названия папок – скучными и обезличенными.

Смогли бы мы нормально жить, если б не знали почти ничего, кроме того, где посмотреть нужное? уже есть люди, которые работают в таком режиме. Например, прокуроры. «Незнание – не довод» – эта язвительная поговорка в ходу у американских юристов. Один только конгресс ежегодно увеличивает законодательную базу где-то на 20 миллионов слов. И если бы кто-то взялся их прочесть, потратил бы около 10 месяцев. А ведь это только те слова, которыми обрастают новые федеральные законы. Стоит добавить к ним старые законы – федеральные, штатов и местные – за давностью в несколько веков, а также все судебные решения, вынесенные на их основании, и получится объем документов, прочесть который физически невозможно. Прокуроры могут знать закон лишь в общих чертах, но им необходимо быть асами в поиске прецедентных случаев.

В одном из самых впечатляющих за последние несколько лет экспериментов, посвященных исследованию памяти, ученые показали, что непроизвольно мы задействуем память на источники все чаще. Исследователи Даниэль Вегнер и Эдриан Уорд несколько по-своему провели классический тест Струпа, который хорошо описан в популярной психологии: вам показывают слова, обозначающие любой цвет, за исключением цвета шрифта, которым они набраны. Представьте, что слово «красный» напечатали синим цветом. Загвоздка в том, что нужно назвать именно цвет, а не прочесть написанное слово. Сделать это труднее, чем кажется.

Попробуйте назвать цвета этих слов:

³⁷ Zachs, 2015.

СЕРЫЙ БЕЛЫЙ ЧЕРНЫЙ

Обычно за этим следует неловкий смех. Когда цвет и значение слов не совпадают, цвета называют в два раза медленнее.

Этому открытию посвящена диссертация Джона Ридли Струпа 1935 г., благодаря которому он стал самым, пожалуй, цитируемым в мире экспериментальным психологом. Получив степень доктора психологии, Струп решил, что цвета слов ему интересны меньше Священного Писания. Он оставил психологию и стал пастырем сельского прихода в Теннесси.

А между тем открытие Струпа дополнялось новыми фактами, вдохновляя ученых на множество других психологических исследований. Тест Струпа полезен тем, что позволяет измерить уровень внимания и выявить подсознательные мысли. Проводились эксперименты с участием голодных добровольцев, которым предлагали пройти тест Струпа, построенный на списке как будто произвольно подобранных слов³⁸. Когда попадались такие слова, как «гамбургер» или «обед», задержка в назывании цвета у голодных испытуемых увеличивалась. Мысли о еде были у них на переднем плане, поэтому требовалось дополнительное усилие, чтобы не озвучивать слова, означавшие что-либо съедобное.

Вернемся к Вегнеру и Уорду. Этот же принцип лег в основу их исследования, в ходе которого добровольцы сначала отвечали на трудные вопросы, к примеру «На флаге всех стран есть хотя бы два цвета?». Сразу после этого им предлагали пройти тест Струпа, в котором перечислялись хорошо известные торговые марки, написанные разными цветами³⁹. От испытуемых требовалось назвать цвет каждой торговой марки так быстро и точно, как только возможно.

Задержка в назывании цвета увеличивалась, когда испытуемым попадались такие слова, как Google и Yahoo. И оставалась прежней, когда прочесть требовалось, например, Nike и Target. По-видимому, трудные вопросы из теста на общую эрудицию настроили испытуемых на мысль, что хорошо бы поискать ответы в сети.

³⁸ Wegner and Ward, 2013, 80.

³⁹ Wegner and Ward, 2013.

NIKE

GOOGLE

TARGET

YAHOO

В подтверждение этого ученые чуть изменили опыт. Вопросы в тесте на общую эрудицию подобрали настолько простые, что каждый участник сумел на них без труда ответить. Когда же участникам предложили тест с торговыми марками, задержки в назывании цвета слов Google и Yahoo не наблюдалось. Мысль, что ответ надо бы поискать в сети, возникала только тогда, когда звучали сложные вопросы.

Вегнер связывает эффект Google с общим феноменом «распределенной памяти». Набрать на клавиатуре – лишь один из множества способов, которыми мы можем воспользоваться, чтобы сохранить информацию, не нагружая мозг. Задолго до появления социальных сетей мы делились воспоминаниями, знаниями и опытом в реальном, а не виртуальном пространстве. Сам я не гурман, но у меня есть друзья, которые посоветуют какой-нибудь интересный ресторан. У меня нет знакомых врачей-специалистов, зато есть терапевт, который посоветует нужного. В этом мире мы держимся на плаву не потому, что знаем все, а потому, что знаем нужных людей.

«Распределенная память» препятствует распространению ошибочной информации – во всяком случае, до некоторой степени. Как показали исследования, большинство людей убеждены, что антибиотиками можно победить вирусы. Нет, это не так. Но, как верно заметил психолог из Йельского университета Дэн Кахан, едва ли это важно. Большинство из нас сами себе азитромицин не выпишут. Зато действительно важно знать: когда что-то болит, лучше всего сходить к врачу и последовать его указаниям.

Эффект Google – еще одно свидетельство, как мы приспосабливаемся к «распределенной памяти». Получается, что «облако» нам вроде друга, который все знает. Он всегда рядом, на раздумья тратит секунды и никогда не устает от глупых вопросов. Настоящее маленькое чудо, и наша зависимость от него доведена до абсурда. Экономист Сет Стивенс-Давидовиц отметил, что в поисковике Google среди запросов, содержащих фразу «мой пенис», на тре-

тем месте по частотности оказался вопрос «Не мал ли мой пенис?»⁴⁰. Как будто на то нет линейки.

Когда сенаторы списывают

То, как мы полагаемся на «облако», напоминает о существовавшей во времена древних греков и римлян должности под названием «мнемон». Ее занимал профессиональный мнемонист⁴¹. Когда сенаторы выступали с речами и вели споры, он всегда находился рядом и сообщал им необходимые факты. Что это вредит репутации оратора, похоже, никто не считал. В наше время должность общественного «мнемона» занял интернет, и современным политикам приходится с ним состязаться.

Сенатора Рэнда Пола, опубликовавшего в 2012 г. книгу «Обидчики от государства», уличили в заимствовании материала из Википедии и других электронных ресурсов. Вот небольшой фрагмент из статьи Forbes Билла Сингера, появившийся в книге Пола точно в таком виде и без ссылок на источник:

По результатам судебного соглашения каждая из двух компаний – Kinder Caviar и Black Star Caviar Company – обязуется выплатить штраф в размере пяти тысяч долларов и согласна с решением о пробации сроком до трех лет, в течение которого запрещается запрашивать или получать разрешение на экспорт продукции в рамках Конвенции по международной торговле вымирающими видами дикой фауны и флоры⁴².

Удивительно, как пришло кому-то в голову выдавать этот образчик протокольного стиля за собственное творчество – с какой бы ни было целью. И это лишь один пример того, как политиков, журналистов и знаменитостей уличают в списывании из сети. Хотя среди отъявленных плагиаторов больше людей среднего возраста, молодых обвиняют чаще. Подрастающее поколение привыкло считать, что копировать и вставлять фрагменты текста естественно, этически нейтрально, как слушать музыку онлайн.

Сьюзен Дракер, профессор кафедры журналистики Университета Хофстра, видит различия даже среди студентов, казалось бы, одного поколения. «Студенты, которые сейчас в магистратуре, пока еще смотрят на литературный плагиат как на воровство⁴³. Но 17–18-летние бакалавры не видят здесь ничего плохого. “Скопировать материал в интернете так просто, – говорят они. – Что тут может быть плохого?”»

Интернет не только подталкивает нас к нарушению авторского права, но своими мнемоническими способностями направляет в сторону бескрайнего невежества. В другом тесте на общую эрудицию Даниэль Вегнер и Эдриан Уорд позволили одной половине участников посмотреть ответы в сети, а другой – нет. Затем всем раздали опросные листы на проверку памяти, знаний, уровня интеллекта⁴⁴.

Как и следовало ожидать, обнаружилась связь между тем, насколько хорошо участники справились с заданиями, и их самооценкой. Примечательно, что самооценка тех, кто все посмотрел в сети, оказалась выше. Переписав ответы из Google и Википедии, участники решили для себя – «Да, я умен» (был вопрос типа «да/нет»).

Естественно, что, подсмотрев ответы, они также набрали более высокие баллы. Затем Вегнер и Уорд условия эксперимента несколько изменили. Всем участникам сказали, что

⁴⁰ Stephens-Davidowitz, 2015.

⁴¹ Nestojko, Finley, and Roediger, 2013, 321.

⁴² Цит. по: Kaczynski, 2013.

⁴³ Fisher, 2015.

⁴⁴ Wegner and Ward, 2013, 61.

справились они с заданием практически идеально. Но и в этом случае у тех, кто посмотрел ответы в сети, самооценка оказалась выше.

Вы можете возразить, что повышение самооценки никак не связано с вопросами этики при использовании чужих произведений без ссылки на источник. Возражение вполне справедливое, но именно субъективные чувства лежат в основе наших поступков, рассуждений и в конечном счете эстетического чувства. Этот эксперимент показывает, что интернет стал нашей коллективной памятью.

Получить доступ к «облаку» сейчас легко, а в ближайшем будущем станет только легче. Фильм «Энни Холл» 1977 г. местами кажется устаревшим – или же, наоборот, опередившим время? В одном эпизоде Вуди Аллен стоит в очереди, а за ним мужчина с умным видом рассказывает девушке о Маршалле Маклюэне⁴⁵. Аллен вмешивается и говорит, что тот ничего не понимает в идеях Маклюэна. Мужчина отвечает, что читает лекционный курс «Телевидение, СМИ и культура» в Колумбийском университете. Аллен не достает смартфон, потому что смартфонов тогда пока еще не изобрели. Вместо этого он откуда-то из-за экрана выводит Маршалла Маклюэна, чтобы тот лично потрудились разоблачить хвастуна.

Сейчас мы все ближе подходим к чему-то подобному. Специалист по вычислительной технике Крис Харрисон из Университета Карнеги – Меллона прогнозирует «активное слушание», при котором хитроумное устройство будет следить за речью владельца и отыскивать фоновую информацию. Когда вы (или какой-нибудь стоящий рядом крикун) заговорите о Маршалле Маклюэне, на экране прибора появится справка о нем – вдруг что-нибудь пригодится. Беглого взгляда на экран может быть достаточно, чтобы выхватить аргумент получше, повесомее. А может, появится видеофрагмент лекции Маклюэна, именно та ее часть, где докладчик опровергает только что сказанные вашим собеседником слова.

Едва ли это можно считать научной фантастикой. Распознавание голоса, позволяющее запросить информацию в сети, уже работает. Активное слушание пока еще невозможно лишь из-за недолговечности батареек и высокой стоимости обмена данными. Только найдется решение, как предсказание Харрисона станет вполне реальным.

Задуматься о ценности знаний в таком вот будущем стоит уже сейчас. Разумеется, чтобы разойтись во взглядах насчет Маршалла Маклюэна, нужно иметь о нем хотя бы какое-то представление. Иначе какой смысл призывать Маклюэна выйти из «облака».

Ценность знаний

Представляет ли ценность знание фактов в мире, где факты так легко посмотреть в интернете? Эта книга – попытка ответить на вот такой простой вопрос. Для его решения я проанализировал результаты оригинальных исследований, посвященных тому, что знают люди вокруг.

Исследования, о которых говорится в этой книге, проводились согласно новой опросной методике, возможно, известной не многим. Стоит о ней немного рассказать. Сетевое панельное исследование проводится организацией, которая набирает большую группу людей («панель»), согласных участвовать в дальнейших опросах. В начале нового исследования программа в произвольном порядке из панели набирает респондентов. Затем рассылает им по почте электронное письмо с материалами исследования, обычно в несколько заходов, чтобы группа респондентов своим социальным составом и структурой оказалась как можно ближе к населению в целом. Состав респондентов может меняться в зависимости от пола, возраста, расовой принадлежности, уровня образования, размера доходов и прочих демографических показателей – от того, что интересует интервьюеров и маркетологов.

⁴⁵ Эпизод из «Энни Холл» про Маклюэна см. на YouTube: bit.ly/1Dlq4dD.

Сетевые панели имеют два существенных преимущества по сравнению с традиционными опросами по телефону. Первое: от участия отказываются редко. Поскольку, по мнению большинства, звонок от интервьюера радует не более, чем звонок от телемаркетолога, то мало кто вообще снимает трубку или же сразу ее кладет, как только выясняется, с какой целью звонят. Принцип произвольности оказывается под вопросом. Если, к примеру, окажется, что 50-летние замужние белые женщины чаще в этой ситуации трубку не вешают, то группа респондентов подобрана неверно. А при проведении сетевого панельного исследования все респонденты согласились на участие уже заранее (из них согласие подтверждают около 90 %). Следовательно, алгоритм набора для участия в исследовании работает так, что подобрать социально сбалансированную группу гораздо легче.

Одна небольшая оговорка: в сетевую панель попадают те, у кого есть доступ к интернету. В 2013 г. Всемирный банк определил, что среди американцев интернетом пользуются 84 %⁴⁶. Так вот эти 84 % представляют собой группу людей, чуть более обеспеченных, образованных и технически продвинутых, чем население в целом. Это нужно учитывать. И все же почти каждый, у кого есть телефон, может выйти в интернет (пусть даже благодаря передаче данных через оператора). Охват исследования ограничивается пользователями сети, но все же этот вариант более удачен, чем опросы по телефону.

Сетевые панельные опросы проводятся некоммерческими организациями (как, например, RAND American Life Panel) и некоторыми информационно-технологическими компаниями и стартапами (GfK, KnowledgePanel, SurveyMonkey, Amazon's Mechanical Turk). Обычно организация, проводящая опрос, в знак благодарности за участие предлагает выбрать, на какую благотворительность направить небольшое пожертвование. Это и скромное поощрение, и способ исключить из участия желающих заработать. Напроситься на участие в каком-то определенном опросе нельзя, а алгоритм подбора группы респондентов работает так, что участвовать в исследованиях можно не чаще нескольких раз в год.

В инструкциях, которыми я сопроводил опросники, объясняется, что цель моих исследований сводится к оценке уровня знаний у населения. Кроме того, я попросил испытуемых не искать готовых ответов. Возможно, что некоторые все-таки списали, притом что не было смысла выполнять работу на самый высокий балл. Впрочем, на большую часть заданий времени отводилось совсем мало, так что едва ли кто успевал искать ответы. Из окончательных результатов, как правило свидетельствовавших о невероятно низком уровне знаний респондентов, стало ясно, что учитывать фактор списывания необходимости нет.

В последнее время сетевыми панельными исследованиями охотно пользуются в научных и деловых кругах. Для социологов этот метод обладает существенными преимуществами над прежними, когда приходилось развешивать объявления в университетском городке и проводить среди студентов опросы. Маркетологи используют сетевые панели, чтобы опробовать торговую новинку, рекламу и новый дизайн. Такие СМИ, как NBC News, Wall Street Journal, Los Angeles Times и Bloomberg News, используют сетевые панели для проведения опросов на темы политики.

Второе существенное преимущество нового метода заключается в том, что он быстрый и недорогой по сравнению с традиционной формой проведения опросов и позволяет получить представление об уровне таких знаний населения, какие пару лет назад сочли бы слишком несущественными, чтобы по этому поводу проводить опрос. Примеры в этой книге я еще приведу.

Исследования подтверждают, что люди знают, а что нет в целом ряде областей: от квантовой физики до современного искусства и поп-культуры. Также обнаруживается зависимость между знанием фактов и благосостоянием, здоровьем, счастьем, политическими

⁴⁶ Google Public Data: bit.ly/152hP8f.

взглядами и культурой поведения. В большинстве глав приводятся фрагменты тестовых вопросов (в прямоугольной рамке), чтобы можно было соотнести свои знания со знаниями других.

Книга разделена на три части. Каждая посвящена какой-то одной теме, но не исключает двух других:

- *Эффект Даннинга – Крюгера*. Из-за интернета мы не становимся глупее, но можем стать менее осведомленными о собственном незнании. Неполное знание создает искаженные ментальные карты мира. Ошибочные представления сказываются на наших решениях, поступках и суждениях как в личной, так и в общественной жизни.

- *Надбавка за знания*. Существует корреляционная связь между способностью отвечать на так называемые «тривиальные» вопросы и более высоким доходом в числе прочих показателей успешной жизни. Общая эрудиция играет существенную роль даже тогда, когда не важен ни возраст, ни ступень образования. В реальном мире ценятся знания, а не только (и не столько) диплом или появившиеся за годы учебы полезные знакомства.

- *Стратегии для культурно неграмотного мира*. Здесь я опишу способы, которые помогут обычным людям наиболее эффективно использовать современные СМИ, чтобы оставаться в курсе событий, компаниям и организациям – приспособиться к обществу с невысоким уровнем культурной грамотности, демократическим правительствам – принимать мудрые решения вопреки невежеству избирателей.

ТЕСТ НА ВОЗРАСТ

Сколько в США сенаторов?

Как называется столица Бразилии?

Кто такой шорт-стоп?

Если вы ответили «сто», «Бразилиа» и «игрок между второй и третьей базой», то совершенно правы. Согласно статистике вы должны быть старше тех, кто на эти вопросы не ответил.

Хотя приведенные факты могут показаться безотносительными ко времени и поколению, есть вещи, с которыми люди помоложе знакомы не так хорошо. Те, кто назвал число сенаторов правильно, оказались в среднем на девять лет старше ответивших неверно. С вопросами про Бразилию и шорт-стопа справились те, кто был старше на шесть и семь лет⁴⁷.

⁴⁷ *p*-значение для корреляционной связи между возрастом и правильными ответами меньше 0,001 во всех трех случаях. (Не знаете, что такое *p*-значение? Объясню в 6-й главе.) Размер выборочной группы при ответе на вопрос о сенаторах США – 207, о Бразилии и шорт-стопе – 445 человек.

2. Карты невежества

Медсестра и школьная учительница католического вероисповедания Сьюзен Шерман, вернувшись в родной Кентукки из миссионерской поездки в Кению, обнаружила, что в школе г. Луисвилла ее больше не ждут⁴⁸. Был конец 2014 г., когда Гвинею, Либерию и Сьерра-Леоне охватила эпидемия лихорадки Эбола. Родители испугались, что вдруг учительница подхватила вирус Эбола и теперь заразит их детей.

В Кении лихорадки Эбола не было. Тем не менее руководство школы отстранило Шерман от преподавания на 21 день и потребовало представить медицинскую справку об отсутствии у нее вируса. Вместо этого Шерман решила уволиться.

Этот случай наглядно показывает, какое влияние оказывает на всех нас знание и незнание географии. Для многих американцев Африка – небольшое по площади и однородное по населению местечко, вроде Лас-Вегаса или Кабо-Сан-Лукаса. На самом деле Кения расположена примерно в 5600 км от тех стран, где в 2014 г. случилась вспышка Эболы. На несколько сот километров дальше, чем от Луисвилла до бразильского города Манаус. По логике школьного руководства получается, что туристов, побывавших в Луисвилле, нужно тщательно досматривать: вдруг в багаже обнаружатся пирании.

Тест на знание карты – проверенный способ демонстрации нарциссизма и глупости американцев. Сколько из них сумеют отыскать на карте Афганистан? Только 12 % американцев в возрасте от 18 до 24 лет. Это показал опрос, проведенный в 2006 г. для Национального географического общества и Роуперовского центра изучения общественного мнения. Организации, занимающиеся опросами, год за годом задают подобные вопросы, не без причины переживая за состояние американского образования.

Я воспользовался такими преимуществами сетевого панельного исследования, как скорость и гибкость, и провел более трудоемкий тест на знание карты. Вместо того чтобы дать несколько популярных стран, я спросил про все 50 штатов США, 170 независимых государств по всему миру и еще ряд территорий и регионов. От каждого испытуемого требовалось найти от 10 до 15 штатов или стран, предложенных из общего набора, на электронной карте Соединенных Штатов, на каком-то одном из континентов и на карте мира с обозначенными, но неподписанными границами.

Затем я отобразил полученные результаты на картограммах⁴⁹. Картограммы – это карты с искаженными границами: размер каждого региона зависит от численности населения, количества голосов выборщиков или иной величины в процентах. В моем исследовании размер штатов или стран зависел от процента тех респондентов, которые показать эти территории на карте не сумели. Получились карты невежества.

Практически каждый взрослый американец отыщет Флориду, Техас и Калифорнию на карте США. Легко найти и «угловые» штаты вроде Мэна и Вашингтона. Поэтому на картограмме они сжались до неузнаваемости. Аляска и Гавайи не отображены, поскольку оказались бы на картограмме точками, ведь показать их сумел почти каждый.

Распухли те штаты, которых многие американцы отыскать не смогли. Труднее всего оказалось найти Делавэр: не справились с заданием 58 %. Чуть больше трети испытуемых не сумели показать Небраску, Миссури и Алабаму.

Почему так много американцев затрудняется найти на карте штаты? Некоторых сбивают с толку сходства в очертаниях и звучании.

⁴⁸ Bittenbender, 2014.

⁴⁹ Долю неверных ответов я принял за плотность по алгоритму искажения исходных областей Гэстнера – Ньюмана. Программа ScapeToad.

Карта невежества: США

Размеры каждого штата зависят от того, какой процент американцев не может показать его на карте

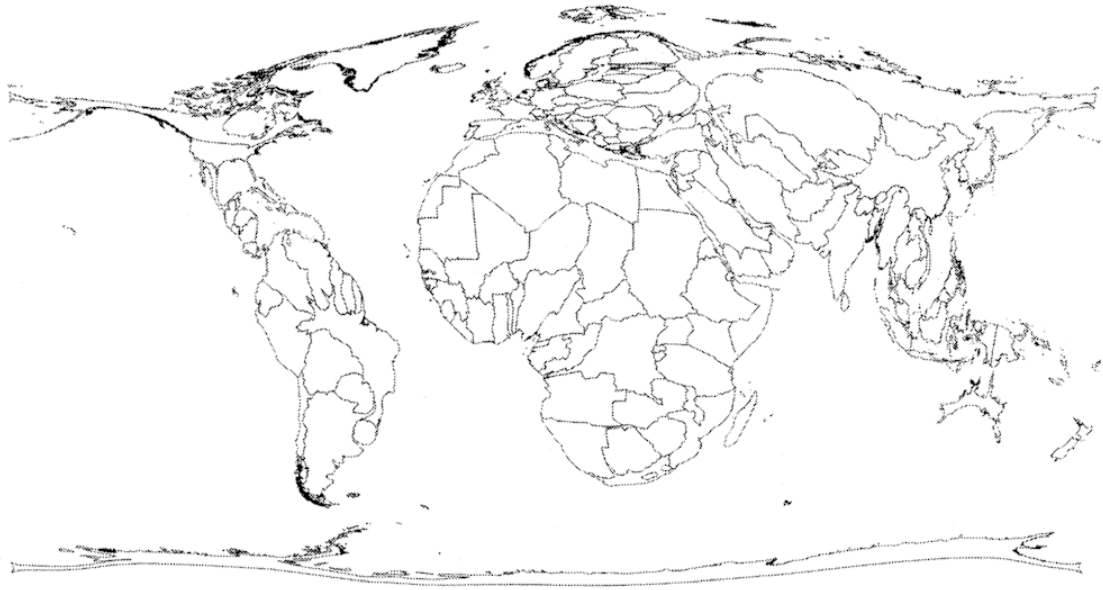
Иллинойс то и дело путают с Индианой и другими соседними штатами, начинающимися с гласной. Также смешивают Миссури и Миссисипи.

Множество ошибок приходится на штаты северных равнин и Скалистых гор, различать штаты более-менее прямоугольной формы оказывается непросто. И еще путают не очень похожие друг на друга «штаты-близнецы»: Нью-Гэмпшир и Вермонт, Алабаму и Миссисипи.

В опросник теста на знание карты мира я включил все страны площадью более 480 км². Исключены были в основном островные государства (Гренада, Тувалу, Мальдивы) и несколько крошечных европейских стран (Лихтенштейн, Монако, Ватикан, Сан-Марино). На картограмме они в любом случае выглядели бы точками.

Среди участников выборки практически всем удалось отыскать США, Канаду, Мексику и Австралию. На картограмме размеры этих без труда опознаваемых стран многократно уменьшились. Так же хорошо американцы указали Россию, Китай, Японию и популярные среди туристов страны Западной Европы. Опрошенные участники находили Италию не хуже, чем США.

Карта невежества: мир

Размеры каждой страны зависят от того, какой процент американцев не может показать ее на карте

Интересно почему? Быть может, мы едим много пиццы. На коробках из пиццерии часто изображен «итальянский сапог», ставший почти что товарным знаком.

На карте – проекции американского невежества из всех континентов Африка – самый большой. Балканы и Ближний Восток распространились на большую часть Евразии, оказавшись на территории легче опознаваемых России и Китая. Бразилия – ее на картах найти легко – перестала быть самой большой на Южноамериканском континенте.

Страна	Сколько американцев могут показать ее на карте?
США	98 %
Австралия	98 %
Италия	98 %
Мексика	97 %
Россия	92 %
Китай	91 %
Япония	90 %
Бразилия	88 %
Индия	84 %
Великобритания	82 %
Франция	80 %
Северная Корея	73 %
Иран	53 %
Израиль	45 %
Казахстан	42 %
Венесуэла	40 %
Нигерия	27 %
Коста-Рика	10 %
Республика Конго	5 %

Вполне логично, что выборочной группе проще всего было находить большие нации и территории. Показатель узнаваемости Гренландии и Антарктики оказался достаточно высоким, возможно, благодаря их увеличенным размерам в обычных картографических проекциях (из-за чего на картограмме они сжались).

Казахстан, девятая по величине страна на поверхности нашей планеты, почти в четыре раза больше Техаса. Однако показать ее на карте смогли меньше половины испытуемых. Как правило, американцы спотыкались на каждом государстве, оканчивающемся на «стан». Многие из нас все еще не в курсе того, какой стала карта мира после распада Советского Союза и геополитического кризиса в Югославии.

Бесспорно, некоторые из этих стран редко когда попадают в американские новости.

Но большинство американцев не могут отыскать государства, о которых постоянно говорится в новостях. Показать на карте Ирак и Афганистан, где США не так давно воевали, оказалось под силу едва ли половине опрошенных.

Некоторые пары стран действительно легко спутать. Республику Конго (со столицей Браззавиль) следует отличать от ее более крупного соседа — Демократической Республики Конго (бывшего Заира, столица — Киншаса). Конго поменьше оказалась наименее обнаруживаемой страной в моем исследовании: в выборочной группе показать ее на карте смогли всего лишь 5 % испытуемых⁵⁰.

Помимо результатов теста на знание карты есть масса других свидетельств тому, сколь нетвердо мы знаем географию. В 2006 г. Национальное географическое общество совместно с Роуперовским центром провело опрос, показавший, что 18 % молодых американцев считают, будто Амазонка находится в Африке⁵¹. Кроме того, 20 % нашли Судан в Азии, а 10 % поместили его в Европу. Три четверти опрошенных ответили, что самый распространенный в мире язык — английский (на самом деле северокитайский — у него в 2,6 раза больше носителей, чем у английского). В Национальном географическом обществе заключили с явной досадой: «Только к американцам население планеты не сводится, но многие молодые американцы смотрят на вещи так, словно мы в этом мире одни»⁵².

⁵⁰ Размер выборочной группы в тестах на знание карт составил сто человек с небольшим. Для Республики Конго погрешность оказалась $\pm 4,3$ %, то есть практически сравнялась с процентом правильных ответов.

⁵¹ Национальное географическое общество, 2006.

⁵² Национальное географическое общество, 2006, 6.

В 2013 г. сотрудники газеты Harvard Crimson сняли видеоролик, в котором журналист просит студентов назвать столицу Канады⁵³. Некоторые отвечали так: «Не знаю, может, какой-нибудь Ванкувер», «Без понятия. Случайно, не Альберта?» и «Торонто, что ли?».

Американское невежество породило новый видеожанр, ставший привычным и для ток-шоу, и для YouTube. Все просто: наводишь на очередного прохожего камеру, задаешь простой вопрос, а затем выбираешь самые дурацкие ответы на потеху зрителям. Только не нужно показывать тех, кто ответил правильно, иначе будет совсем не смешно. Как бы это ни выглядело со стороны, оператору приходится опросить сотни людей, прежде чем наберется пара-тройка неверных ответов. Раньше я думал, что эти видеоролики наполнены высокомерием и по большей части сфабрикованы. Теперь я думаю иначе. Высокомерие в них действительно есть, но вот невежество журналистами не придумано.

Проведенное мною исследование, в котором выборочная группа представлена американцами всех возрастов и уровней образования, показало: что столицей Канады является Оттава, знают 47 %. К этому вопросу прилагалось пять вариантов ответа (это легче, чем заполнить пропуски). Вопрос «Как называется столица Канады?» также был задан в двух обстоятельных исследованиях, организованных специалистами для оценки уровня знаний студентов колледжа. Из них более позднее, проведенное в 2012 г., показало, что правильно ответили только 1,9 %⁵⁴.

Я обнаружил, что примерно 9 % взрослых американцев не знают, в какой стране находится Нью-Мексико⁵⁵. «В Мексике» – самый популярный неправильный ответ. Нью-Мексико стал американским штатом так давно, что на земле не осталось практически никого, кто родился бы раньше. Голоса его избирателей учитываются на каждых президентских выборах. И там снимали телесериал «Во все тяжкие». Но примерно одному из десяти это просто неинтересно.

По результатам совместного опроса, проведенного Национальным географическим обществом и Роуперовским центром в 2006 г., выяснилось и кое-что обнадеживающее. Представители поколения миллениума хорошо справились с тестом на умение работать с географической картой. Им показали выдуманную карту несуществующей страны и задали ряд вопросов вроде «В каком из городов следует искать порт?»⁵⁶. Большинство знали, что показать нужно город на воде, в котором сходится множество дорог. Наша образовательная система готовит поколение, которое понимает карту, но не понимает территорию.

Поэтому не исключено, что знание географии станет таким же ненужным, как и умение писать от руки. Так ли это плохо?

Что все-таки плохо, подтверждения имеются. В 2014 г. российские войска вошли на территорию Крымского полуострова. Американцы спорили о том, что необходимо предпринять по этому поводу. Три политолога – Кайл Дропп, Джошуа Керцер и Томас Цайтцгофф – провели исследование, в котором американцам предлагалось отыскать Украину на карте мира.

Никаких подписей на этой карте мира не было, обозначались только границы разных стран. Испытуемых попросили щелчком мыши обозначить точку на том участке, который, по их мнению, и есть территория Украины. Правильно ответил всего лишь каждый шестой.

Догадки остальных разбросаны буквально по всей карте. Отмечены страны всех обитаемых материков, причем немало точек оказалось в Гренландии, а несколько – в континен-

⁵³ Lexi M. Del Toro and Bessie X. Zhang. Roving Reporter: Canada, 18.11.2013: Bit.ly/1DK92YL.

⁵⁴ Tauber, Dunlosky, Rawson, et al., 2013, 1129.

⁵⁵ Вопрос сопровождался пятью вариантами ответа (США, Мексика, Техас, Гватемала и Южная Африка). Вариант «США» выбрал 91,5 %, с погрешностью ± 3,3 %. Размер выборочной группы – 282.

⁵⁶ Национальное географическое общество, 2006, 56.

тальной части США. Некоторые щелкали мышью даже не по островам, а прямо по водным просторам Мирового океана. Либо им казалось, что Украина – это что-то вроде Атлантиды, либо отличить на карте воду от суши они не могли.

А вот самое главное. Исследователи обнаружили, что чем дальше отмеченная на карте точка от действительного местоположения Украины, тем больше поддержки встречает идея военного вторжения США на территорию Украины.

Карты в командных пунктах развешаны не просто так. География помогает решить, представляет ли военная операция интерес с точки зрения национальной безопасности или не представляет, осуществима или потребует непомерных затрат. Решение о том, отправлять ли солдат воевать на Украину, не должно приниматься человеком, который не знает, расположена ли Украина на территории США или является самостоятельной страной, находится она на суше или же под водой.

Корреляционная связь между знаниями фактов и взглядом на политику этим не ограничивается. Я провел исследование, в ходе которого задал 16 вопросов на общую эрудицию, включая два вопроса на знание карты (спросил, где находятся Северная Каролина и Украина). Был также вопрос, в котором спрашивалось мнение: «Сейчас много говорят о том, что для предотвращения незаконной иммиграции нужно обнести границы стенами. Как бы вы оценили эту идею по шкале от 0 до 10?»

Чем больше правильных ответов давал респондент, тем меньше его привлекала идея пограничных заграждений. Эта взаимосвязь прослеживалась поразительно четко, даже если взять группу респондентов одинакового уровня образования и возраста⁵⁷. Дело не только в том, что сторонники заграждений были менее образованны. Просто они меньше знали, по сравнению со своими ровесниками, получившими точно такое же образование.

Участники, показавшие блестящее знание фактов и ответившие на все 16 вопросов правильно, оценили идею огораживания границ в среднем на 2,25 из 10 – то есть очень невысоко⁵⁸. Участники, показавшие свое незнание и ответившие на все вопросы неправильно, оценили идею огораживания границ на 7,22 из 10. Им эта идея понравилась.

Те, кто найти Украину на карте не сумел, отзывались на идею отгородиться также с большей охотой⁵⁹. А вот еще вопрос, имеющий к этой идее самое прямое отношение:

Ученые полагают, что первобытные люди охотились на таких динозавров, как стегозавры и тираннозавры. Это утверждение верно?

Участники, ответившие «верно», идею пограничных заграждений поддержали, в отличие от тех, кто ответил «неверно»⁶⁰.

Огораживание границ – это вопрос не только идеологический, но и практический. Некоторые сторонники жесткого политического курса носят с идеей некой волшебной ограды от иммигрантов, возвести которую можно в два счета и по самой низкой цене. Люди более мыслящие вынуждены задавать вопросы по существу. Во сколько это обойдется налогоплательщикам? Окажется ли эффективным? Прикинуть стоимость можно с опорой на географические познания, а определить степень эффективности – благодаря знанию истории.

⁵⁷ p -значение для корреляции между уровнем знаний и поддержкой принципа огораживания границ менее 0,001. Если при построении линейной регрессии учесть факторы образования и возраста, все равно уровень знаний остается четким индикатором отношения к принципу огораживания границ: $p < 0,002$.

⁵⁸ Эти значения взяты из линейной регрессии, в которой возраст и образование участников неизменны – 35 лет и 4 года в колледже.

⁵⁹ $p < 0,001$. Хотя ситуация с Северной Каролиной оказалась похожей, данные были статистически незначимыми ($p < 0,277$). В этом исследовании участвовало 228 испытуемых.

⁶⁰ $p < 0,001$ для вопроса про динозавров. Средний рейтинг ответивших утвердительно – 7,31 из 10, отрицательно – 4,51 из 10.

(Древнее оборонительное сооружение, Великую Китайскую стену, возвели для защиты от нападений кочевников, но остановить вторжение она все-таки не смогла.)

Благополучие демократических государств не зависит от осведомленности каждого конкретного гражданина. Среди избирателей всегда будут менее знающие. Ничего страшного тут нет, до тех пор пока политические взгляды невежд не слишком отличаются от взглядов людей более информированных. Повод для беспокойства появится, если людей информированных окажется меньше, чем невежд, занявших иную политическую позицию. Поддержку абсурдных политических идей я бы назвал «принципом огораживания границ», потому что некоторые такие идеи можно по-настоящему понять только с оглядкой на эффект Даннинга – Крюгера.

Дефицит бюджета, долг и что-нибудь там еще

Незнание географии искажает наши ментальные карты и нередко сказывается на наших суждениях. Искажать мировоззрение могут и другие виды невежества. Часто это происходит, когда приводятся очень большие цифры.

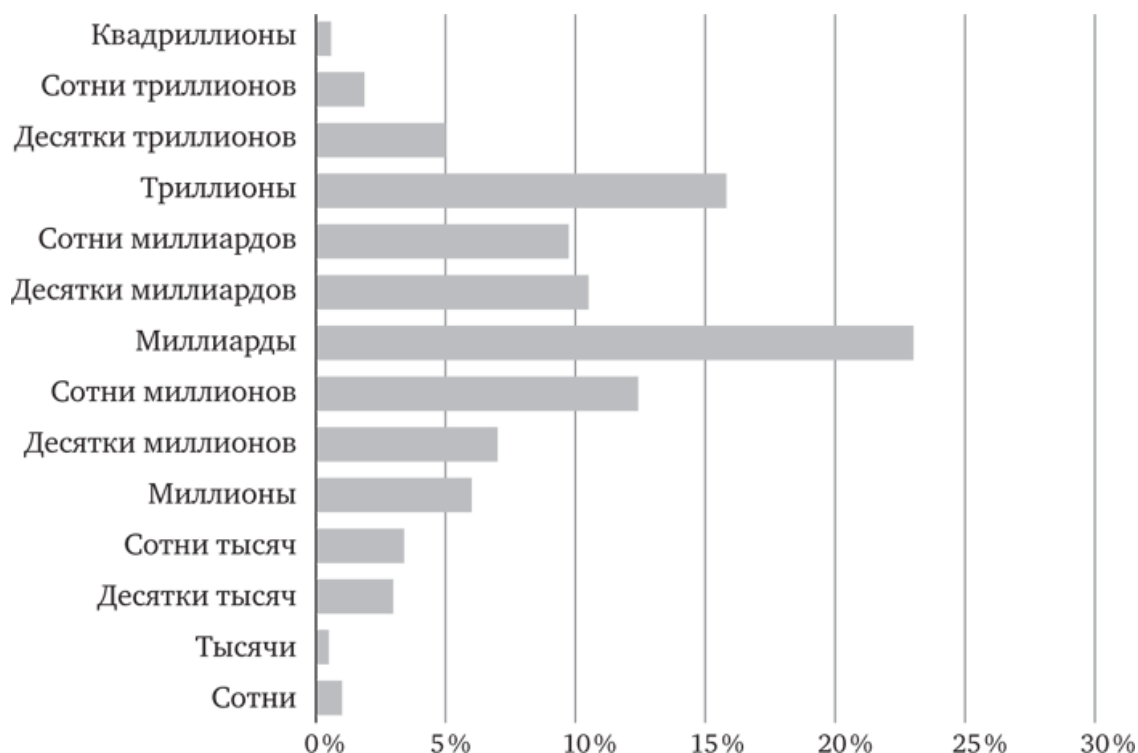
В октябре 2013 г., когда из-за дефицита федерального бюджета сенатор Тед Круз добивался приостановки работы правительства США, новостная компания Business Insider опросила по всей стране 500 американцев с целью выяснить, знают ли они размер бюджетного дефицита США. На выбор предлагалось несколько вариантов, а полученные ответы расположили по популярности в порядке убывания.

Самый популярный ответ, который выбрали 23 % респондентов, указывал на долларовый диапазон от 1 млрд почти до 10 млрд долларов. А на самом деле в 2013 г. дефицит бюджета составил 642 млрд долларов – примерно в сто раз больше, чем представлял себе среднестатистический респондент.

Другие недооценивали показатель дефицита еще более существенно. Более 10 % выбрали вариант, где значилось несколько миллионов долларов или меньше. Эта группа людей обитает в какой-то параллельной вселенной, где в курортном городе Бока-Ратон вышедший на пенсию оптик может выписать чек, который покроет в текущем году бюджетный дефицит.

В опросе также спрашивалось насчет дефицита в прошлом году. Был он больше, меньше или же примерно таким?

Сколько составляет дефицит бюджета США (в долларах)?

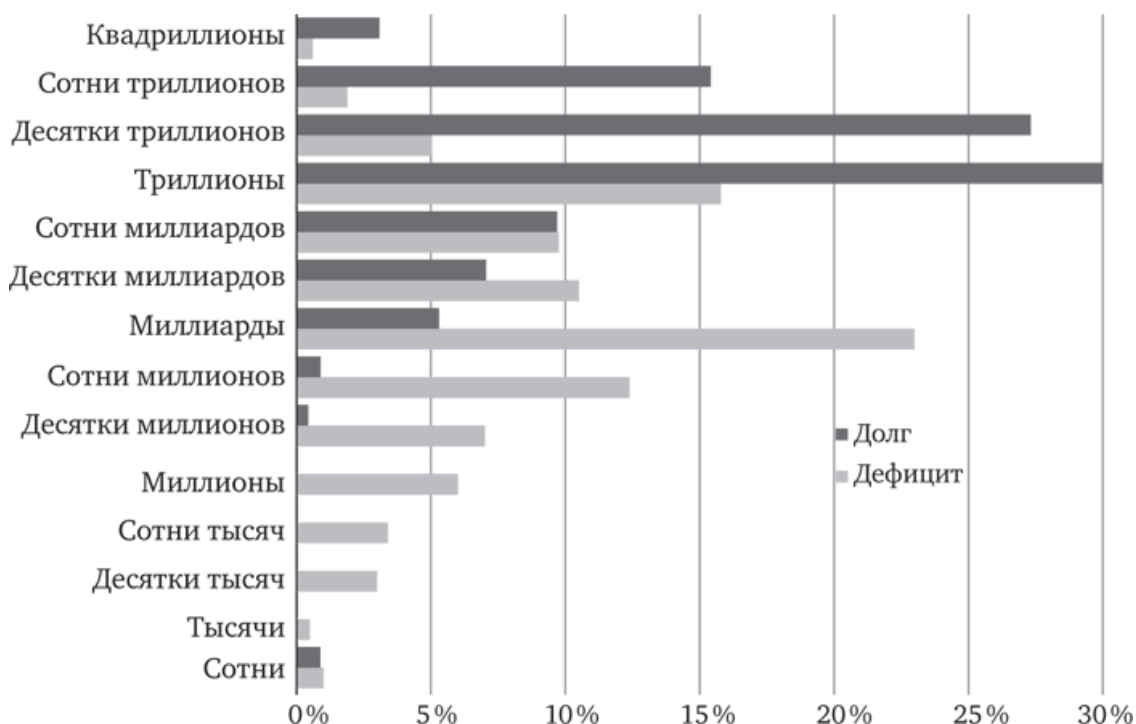

Люди более знающие должны понимать, что постепенное восстановление экономики, сокращение расходов и увеличение налогов в совокупности привели к сокращению дефицита с 1,09 трлн долларов в 2012 г. до 642 млрд долларов в 2013-м. Однако 68 % уверены, что в 2013 г. дефицит стал больше.

Вслед за тем я провел собственное исследование, обратившись за услугами к той же компании, что организовала для Business Insider сетевую панель. Новой группе респондентов, набранной произвольно, задали те же два вопроса, только вместо слова «дефицит» я использовал слово «долг».

Ниже на этой странице сопоставлены ответы и тех и других: разница очевидна! Долгом называется общая сумма, взятая государством займы (вроде задолженности по кредитной карте). Дефицит – это сумма, на которую государственный долг *увеличился* за фискальный год (продолжая аналогию – насколько увеличилась задолженность по кредитной карте за текущий год).

Сколько составляет долг/дефицит бюджета США (в долларах)?

При Джордже Вашингтоне, облагавшем страну налогами и опустошавшем госбюджет, государственный долг после Войны за независимость оказался таким огромным, что погасить его смогли только к 1830 г. Последующее десятилетие долг США равнялся нулю, но в 1840 г. снова вырос — с тех пор США так и не могут никак рассчитаться. Когда я проводил опрос, государственный долг превышал 17 трлн долларов. На диаграмме результаты опроса, в котором речь шла о долге, приводятся над результатами опроса, где говорилось о дефиците.

В ответах наблюдается изрядное количество совпадений. И это притом, что долг почти в 26 раз превышает дефицит. В опросе, посвященном не дефициту, а долгу, процентные показатели резко поднялись — к самому верху диаграммы, что вполне закономерно. Но выбрали верный диапазон (от 10 до 100 трлн долларов) только 27 % респондентов.

В моем исследовании примерно две трети респондентов ответили, что в прошлом году долг вырос вдвое. Тут они не ошиблись, как не ошибаются дважды в сутки сломанные часы.

В том, что происходит, никакой тайны нет. Люди полагаются на слова больше, чем на цифры, и на чувства больше, чем на слова. Об этом знает каждый политик и журналист. Политиканы, хватаясь за проблему вроде бюджетного дефицита, убеждают избирателей, что дефицит, или долг, или что-нибудь там еще угрожают американскому образу жизни. Им это удастся благодаря тому, что многие подлинные факты не сообщаются, а на первый план выдвигаются «факты», которые на самом деле никакими фактами не являются. Многие американцы в цифрах не разбираются: они лишь понимают, что проблема есть и со временем становится все хуже (даже если это не так).

Можно задаться вопросом — действительно ли размер дефицита или долга имеет такое принципиальное значение для обычного гражданина? В любом случае нет смысла дефицит оценивать вне контекста, который представлен численностью населения США. По-настоящему важен именно долг на душу населения. Чтобы его подсчитать, надо знать количество жителей в стране. Национальное географическое общество попросило участников исследования выбрать из четырех вариантов тот, который соответствует числу жителей США⁶¹. В результате 69 % оказались далеки от правильного ответа или сказали, что не знают.

⁶¹ Национальное географическое общество, 2006.

Факты и неравенство

В 2011 г. психолог Дэн Ариели и преподаватель делового администрирования Майкл Нортон провели сетевое панельное исследование, в котором 5522 американца попросили предположить, как распределяется благосостояние народа. Испытуемым объяснили, что население страны нужно разделить на пять частей в зависимости от достатка. Получилось 20 % самых богатых, 20 % богатых и так далее, вплоть до 20 % самых бедных. Затем испытуемых попросили предположить, какой процент национального достатка приходится на каждую из пяти частей.

Обратите внимание, что в исследовании речь идет не о доходе, а именно достатке. Четко указывалось, что исследователей интересует «собственный капитал... под которым понимается общая стоимость имущества физического лица за вычетом его долгов», и приводились примеры («имущество, акции, облигации, произведения искусства, коллекции ценных предметов и т. д. минус текущие и долгосрочные долговые обязательства»)⁶². Также испытуемых попросили указать «идеальные» пропорции распределения достатка.

Начнем с того, что происходит в действительности (верхняя полоса на диаграмме). Действительность такова, что в руках самых обеспеченных 20 % сосредоточено порядка 84 % богатств США. Практически все остальное поделили между собой вторая и третья части из пяти. Две оставшиеся – самые бедные – едва ли можно на верхней полосе разглядеть, поскольку на них приходится лишь 0,2 и 0,1 % общего достатка.

Напомним, что речь идет именно об имуществе. Те, чей достаток ниже среднего, живут в основном от зарплаты до зарплаты. Зачастую они снимают квартиру или живут в доме, ипотечный заем за который больше его стоимости, или выплачивают студенческие долги и не имеют никаких сбережений.

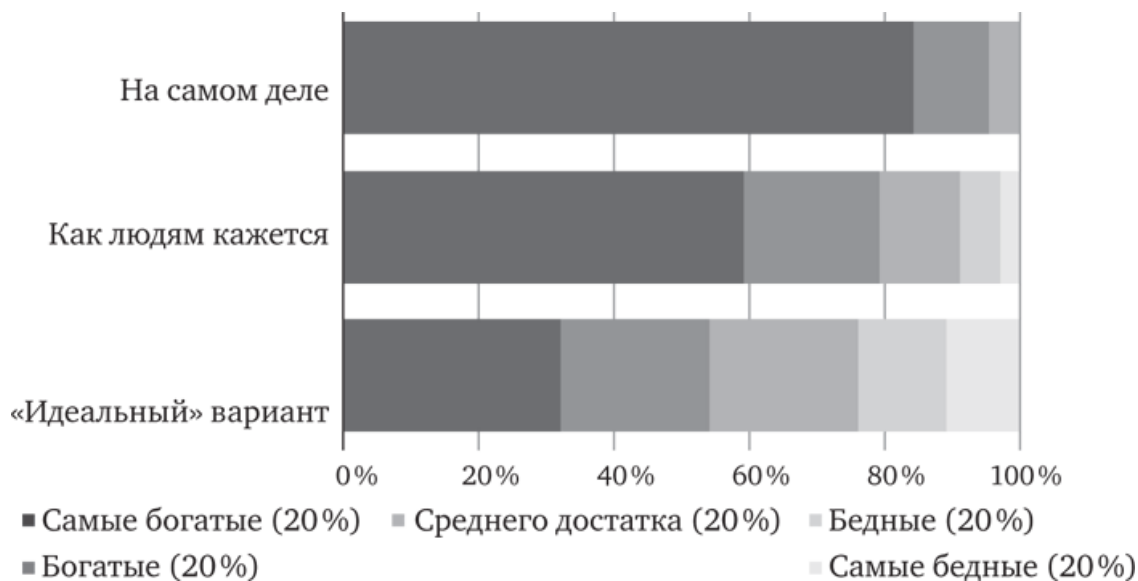
Американцы понимают, что достаток распределен несоразмерно. Но как видно по средней полосе, эту несоразмерность они недооценивают. Респонденты предположили, что из пяти групп самая богатая обладает 58 % всеобщего благосостояния и на каждую из оставшихся приходится все меньше и меньше, вплоть до 3 % в группе самых бедных.

Иными словами, американцы сочли, что достаток самых богатых в 20 раз выше, чем у самых бедных. В действительности их достаток выше в 840 раз.

Когда участников исследования попросили указать «идеальные» пропорции распределения достатка, их ответы снова образовали несоразмерные части. И все же несоразмерность оказалась не настолько большой, как в двух предыдущих случаях (полоса внизу диаграммы). Согласно тому как участники предпочли разделить всеобщее благосостояние, самые богатые получили бы 32 %, а самые бедные – 10 %. Разница в достатке богачей и бедняков сократилась бы практически до трех раз.

Как распределяется достаток в США?

⁶² Norton and Ariely, 2011, 9.

В ходе исследования Нортон и Ариели получили также весьма неожиданный результат: расхождение во мнениях различных политических и демографических групп в отношении действительного и желаемого оказалось незначительным. Они, конечно, выяснили, что сторонники Республиканской партии и в целом мужчины предпочли чуть большую, но ненамного разницу в достатке бедняков и богачей, нежели приверженцы Демократической партии и женщины. Достаток самой богатой группы точнее всего определили респонденты обеспеченные, и они, в отличие от респондентов менее обеспеченных, представили такой вариант утопии, при котором разрыв между уровнями благосостояния оказался существеннее. Но опять же разница составила всего несколько процентных пунктов.

Респонденты даже сошлись во мнениях насчет того, что в существующем положении вещей не так. Многие сочли, что в идеале уровень благосостояния самой богатой группы должен уменьшиться, а у трех беднейших – увеличиться. Вторая же группа, просто богатых (по сути, верхушка среднего класса), имеет оптимальный или близкий к такому достаток, по крайней мере с точки зрения этого исследования.

За эти результаты, полученные в год протестного движения «Захвати Уолл-стрит», ухватились политики самого разного толка. В дебатах по проблемам минимальной зарплаты, подоходного налога и социального страхования обязательно ссылаются на предполагаемое мнение безмолвствующих 99 % граждан. Но если люди не знают о существующем положении дел, так ли они хорошо понимают, чего хотят?

СМИ завалили нас статистическими данными вроде «*икс* процентов американцев контролируют *игрек* процентов богатств». В памяти лучше запечатлевается *идея* неравенства и наш эмоциональный отклик, чем собственно цифры. Получается, что Нортон и Ариели попросили участников исследования предположить, как распределяется благосостояние, в период, когда об этом много писали в СМИ. Быть объективным в таких условиях непросто. Ведь экономика – это сложная машина с множеством подвижных частей.

Представьте, что авиакомпания обратится к пассажирам с просьбой набросать эскиз «идеального» авиалайнера. На рисунках, бесспорно, появятся преувеличенно просторные места и вместительные отсеки для хранения ручной клади. На них не будет механических и навигационных систем, поскольку обычные люди об этом ничего не знают. Авиакомпания, решившая эти идеи учесть, обнаружит, что самолет не может взлететь, а просторное место стоит так дорого, что вряд ли кто-нибудь захочет купить билет.

«Идеал» распределения национального достатка американцев не так уж и далек от реальности. Эгалитаризма в нем немногим больше, чем можно наблюдать в Швеции – стране, которая вполне нормально развивается (и где в ВВП доля налогов доходит до 48 %). Но американцам, в отличие от шведов, приходится откладывать себе на пенсию и особо не полагаться на частные или государственные пенсионные фонды.

В США достаток граждан более старшего возраста превышает в среднем достаток граждан более младшего возраста в 18 раз⁶³. Таким образом, представители поколения беби-бума (пятая часть населения) оказываются более обеспеченными, чем молодежь (также пятая часть). В этом случае неравенство никак не обусловлено ни социально-экономическими причинами, ни их принадлежностью к группе «самых бедных». Если человек постоянно и на протяжении всей жизни работает и сохраняет нажитое, это уже порождает неравенство, значительно превышающее общественный «идеал».

Учитывая, что люди путают такие слова, как «долг» и «дефицит», я предположил, что они, возможно, не заметят разницы между «достатком» и «доходом». Чтобы это проверить, я провел исследование по той же схеме, что и Нортон и Ариели, но вместо благосостояния попросил распределить доходы.

Доходы американцев распределены тоже неравномерно, но все-таки не так, как их достаток. Самые богатые 20 % имеют чуть больше половины национального дохода (а вот достатка на их долю приходится 84 %)⁶⁴.

На диаграмме видно, что на долю двух групп, расположенных по другую сторону полосы, приходится некоторый доход, несмотря на их практически нулевые показатели собственного капитала.

Стало быть, есть большая разница между тем, как распределяются достаток и доходы в реальности. Но люди представляют между ними разницу не такой уж существенной. Просто им кажется, что доходы, как и достаток, распределяются более равномерно, чем это происходит на самом деле.

Больше всего поражает то, что «идеальное» распределение доходов и достатка оказалось практически одинаковым. Респонденты обеих выборочных групп решили, что на долю самых богатых должно приходиться порядка 30 % (и доходов, и достатка), а на долю самых бедных – 11 %.

Похожие термины нетрудно перепутать при запоминании. Вы прочли статью о равенстве доходов, а потом, спустя пару дней, кто-то спросил вас о том, как распределяется достаток. Ваш ответ, возможно, будет опираться на статью про доходы, хотя прямого отношения к поставленному вопросу она не имеет.

Однако важнее всего то, что не так-то просто преобразовать взгляды и ощущения в величины, годные для математических расчетов. Многие просто не привыкли делить население по заданному основанию на пять частей. Рассуждать они начинают с того, что показатель для самой богатой группы должен быть в несколько раз больше, чем показатель для самой бедной, а затем они определяют значения показателей для средних групп. Какое-то время они подгоняют результаты, чтобы показатели в сумме давали 100 %, а затем удовлетворенно откладывают задание в сторону.

В другом исследовании не стали рассчитывать показатели для пяти групп⁶⁵. Майкл Нортон и Сорапоп Киатпонгсан опросили множество респондентов (55 тысяч человек) из сорока промышленно развитых стран и предложили им определить реальный и идеальный уровень доходов неквалифицированного рабочего в их собственной стране, а также попро-

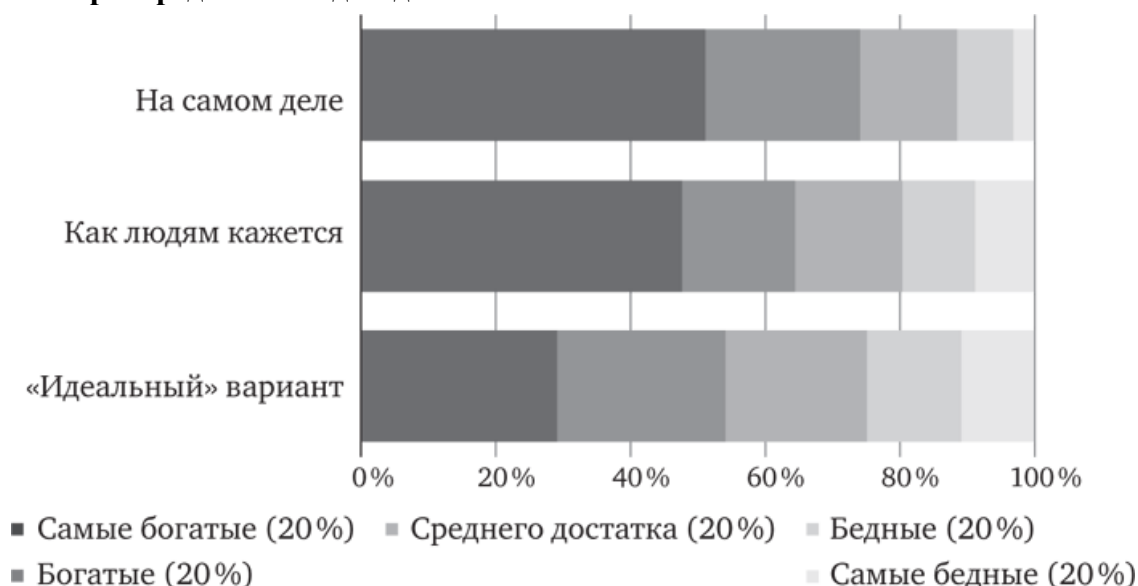
⁶³ Schrager, 2014.

⁶⁴ Statista, «Shares of Household Income of Quintiles in the United States from 1970 to 2014»: [Bit.ly/1PkkUng](https://bit.ly/1PkkUng).

⁶⁵ Kiatpongsan and Norton, 2014.

сили указать, сколько составляет реальный и идеальный доход генерального директора крупной корпорации.

Как распределяются доходы в США?

Благодаря ответам респондентов исследователи вычислили, каким представляется соотношение доходов директора и рабочего, а затем эти результаты сравнили с тем, что есть на самом деле. Так, в США это соотношение на данный момент составляет 354 к 1. Но американские респонденты определили его лишь как 30 к 1. В идеальном соотношении доходов разрыв оказался еще незначительнее – 6,7 к 1.

Аналогичные результаты были получены по всему миру, хотя в большинстве стран реальные доходы во много раз меньше, чем в США. Жители каждого государства без исключения сильно недооценили наличествующий у них уровень неравенства и указали, что при идеальном распределении доходов разрыв должен быть гораздо меньше. Идеальное соотношение в среднем составило 4,6 к 1. Как и в прошлый раз, политические убеждения респондентов не особенно повлияли на ответы.

Исследования убедительно показывают, что и консерваторы, и либералы *утверждают*, что распределение доходов в скандинавском «государстве всеобщего благосостояния» можно считать идеальным. А раз так, то Нортон и Ариели не могли не задаться вопросом:

Если различные группы сходятся во мнениях насчет разрыва между идеальным и реальным распределением достатка⁶⁶, то почему американцев (особенно с мизерным доходом), требующих лучшего перераспределения достатка, не становится больше?

Им видится несколько возможных причин:

Во-первых, полученные нами результаты показывают, что американцам свойственно значительно недооценивать нынешний уровень неравенства в распределении достатка, и позволяют предположить, что относительно существующего разрыва американцы пребывают в самом обыкновенном неведении. Во-вторых, раз у людей имеются ложные

⁶⁶ Norton and Ariely, 2011, 12.

представления насчет распределения достатка, их взгляды на социальную мобильность в США также могут оказаться чересчур оптимистичными... В-третьих, хотя консерваторы и либералы, оказавшись в одной выборке, соглашались с тем, что нынешний уровень неравенства далек от идеала, общественные разногласия насчет причин этого неравенства могут отодвинуть само неравенство на второй план.

Не нужно проводить исследование, чтобы установить, что согласно общественному мнению «идеальное» количество смертей от огнестрельного оружия равно нулю. Одни видят выход в том, чтобы оружие запретить, другие предлагают повсюду носить его заряженным. Так как же нам быть?

Оружие и преступления

Что касается оружия, то опрос 2015 г., проведенный Исследовательским центром Пью, свидетельствует о резком увеличении сторонников огнестрельного оружия. Большая половина американского общества утверждает, что защищать права владельцев на свободное ношение оружия гораздо важнее, чем вводить дальнейшие ограничения на его продажу⁶⁷. Есть такая точка зрения. В некоторых исследованиях ставили и такой вопрос: «За последнее время уровень насильственной преступности поднялся, опустился или остался приблизительно таким же?»

Недавно проведенный в Институте Гэллага опрос показал, что люди, уверенные в повышении уровня преступности, поддерживали меры правительства по контролю над оружием менее охотно. Если говорить точнее, среди тех, кто полагал, что уровень преступности за прошлый год возрос, за более строгие законы по огнестрельному оружию высказались 45 %. Среди тех, кто был убежден, что уровень преступности остался прежним либо снизился, за более строгие законы о ношении оружия высказались 52 %.

А вот некоторые важные в данной ситуации сведения: с 1993 по 2010 г. уровень насильственной преступности резко пошел на спад⁶⁸. Количество погибших от огнестрельного оружия сократилось почти вдвое (от 7,0 до 3,6 случая на 100 тысяч человек), а показатели насильственных преступлений без смертельного исхода составили чуть более четверти от прежнего числа. Трудно найти другую общественную проблему, в которой произошли бы настолько существенные улучшения.

Однако это малоизвестный факт. В 2013 г. в опросе Исследовательского центра Пью спрашивалось, увеличилось ли за последние 20 лет число преступлений с применением оружия, уменьшилось или же осталось прежним⁶⁹. В результате 56 % ответили, что уровень преступности увеличился (неверно), и 26 % – что остался прежним (тоже неверно). О том, что он уменьшился, знали только 12 %.

Ирония в том, что обе стороны оружейного спора верят, будто каждая из них способна предложить более действенный способ борьбы со всплеском преступности, которого на самом деле нет. Тем, что преступлений с применением оружия вдруг стало меньше, мы едва ли обязаны законопослушным владельцам оружия или принятым мерам контроля. По мнению специалистов, дело в демографии. Насильственные преступления – это удел людей молодых, а поколение беби-бума вышло из этого возраста уже в 1990-х.

⁶⁷ Kohut, 2015.

⁶⁸ Cohn, Taylor, Lopez, et al., 2013.

⁶⁹ Ibid.

Бигмак и демократия

Большая проблема свободного общества – принимать верные решения, когда вокруг практически все заблуждаются. Но иногда толпа судит гораздо лучше, чем мы предполагаем.

Я спрашивал у людей: «Сколько калорий в бигмаке из McDonald's?»

Правильный ответ, как указано на сайте McDonald's, – 550 калорий. В данном исследовании самым частотным ответом и в самом деле оказался правильный вариант (от 400 до 799 калорий). Верно ответили 41 %, а многие выбрали близкие варианты. Таким образом, где-то 80 % назвали цифры, которые, по крайней мере, не противоречат здравому смыслу.

Это можно считать примером здравомыслия толпы. Когда люди берутся определить какую-нибудь численную величину, их догадки обычно оказываются на удивление точными.

Классический пример – задача, где нужно на глаз определить, сколько в банке драже. Некоторые назовут число слишком маленькое, другие – слишком большое, остальные – близкое к правильному (хотя никто не может знать точно, сколько драже в банке на самом деле). Усредненный вариант («срединное значение» или «мода») часто ближе к точному значению, чем подавляющее большинство названных наугад величин.

Здравомыслие толпы непреложным законом не назовешь. Были времена, когда все вокруг верили, что Земля плоская. Все ошибались. Общественное мнение едва ли поможет физикам разрешить проблемы в теории струн. Чтобы здравомыслие толпы работало, людям необходимы базовые знания, без которых невозможно дать взвешенный ответ. В задаче с драже участникам эксперимента видно, насколько банка большая и какого размера в ней конфеты. Одни производят простой подсчет, вторые берутся за сложные вычисления, а третьи полагаются на интуицию. Если множество людей подходит к решению задачи с разных сторон, зачастую их общее мнение оказывается здравым. Но если они даже не располагают фактами, на которые в ходе рассуждений можно опереться (к примеру, как с «плоской» Землей в Средние века или современной теорией струн), то мнение толпы здравым быть перестает.

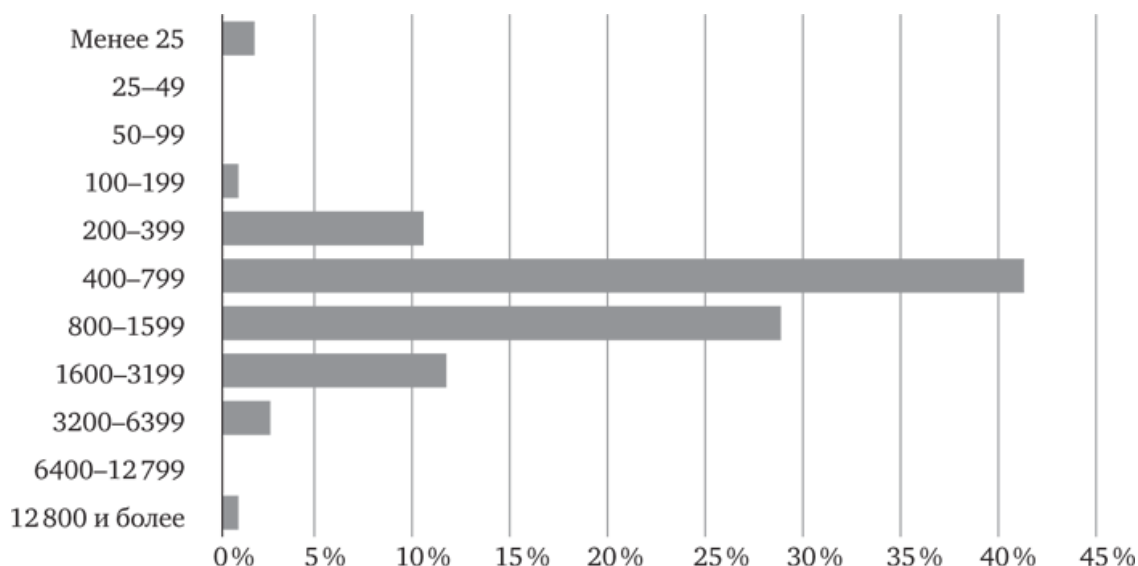
Как вы заметили, догадки насчет размера государственного долга и бюджетного дефицита оказались чрезвычайно далеки от действительности. Возможно, одним из факторов стал феномен под названием «нечувствительность к масштабу». В ходе знаменитого эксперимента, разработанного Уильямом Десвоуджесом совместно с коллегами, испытуемых спрашивали, сколько они готовы платить за решение (не существующей в действительности) проблемы⁷⁰. Суть ее в том, что перелетные птицы по ошибке садятся на незакрытые нефтехранилища и тонут. Уберечь их от смерти возможно, если все нефтехранилища накрыть защитным материалом, но это потребует существенных денежных затрат. Вопрос в том, сколько денег вы были бы готовы заплатить, чтобы спасти птиц?

Испытуемых разделили в случайном порядке на три группы и задали этот вопрос. В каждой группе саму проблему описали одинаково. Только одним сообщили, что на кону жизнь двух тысяч птиц. Другим сказали, что речь идет о спасении 20 тысяч птиц. Ну а третья группа была уверена, что от их решения зависит судьба 200 тысяч птиц.

Средняя сумма, которую испытуемые в каждой из этих трех групп готовы были бы заплатить, оказалась 80, 78 и 88 долларов соответственно. Количество птиц заметной роли не сыграло.

Сколько калорий в бигмаке?

⁷⁰ Desvousges, Johnson, Dunford, et al., 1992.

Поставленная перед испытуемыми проблема, как отмечает Десвоуджес, вызывает в сознании образ «одиноким истощенной птицы с пропитанными черной нефтью крыльями, неспособной спастись». Представив такую картину, мы либо сочувствуем, либо нет. Если нас это трогает, то смерть одной птицы кажется такой же трагичной, как если бы погибали тысячи. Логично или нет, но вот именно так человек понимает разумом и чувствует сердцем.

Тест на нечувствительность к масштабу воспроизводили не раз, ставя перед испытуемыми самые разнообразные проблемы вроде хлорирования питьевой воды и геноцида в Руанде. Результаты свидетельствуют о том, что все решают не цифры, а чувства. Нечувствительность к масштабу сказывается и на известных нам фактах. Многозначное число нас впечатляет не столько тем, какую конкретную величину оно обозначает, сколько тем, что оно большое само по себе. Мы знаем, что государственный долг большой, вот только не знаем насколько. Подобная мыслительная неточность, когда дело касается не одного миллиона избирателей, может стать помехой принятию адекватных решений. Фундаментом демократии служит здравомыслие толпы.

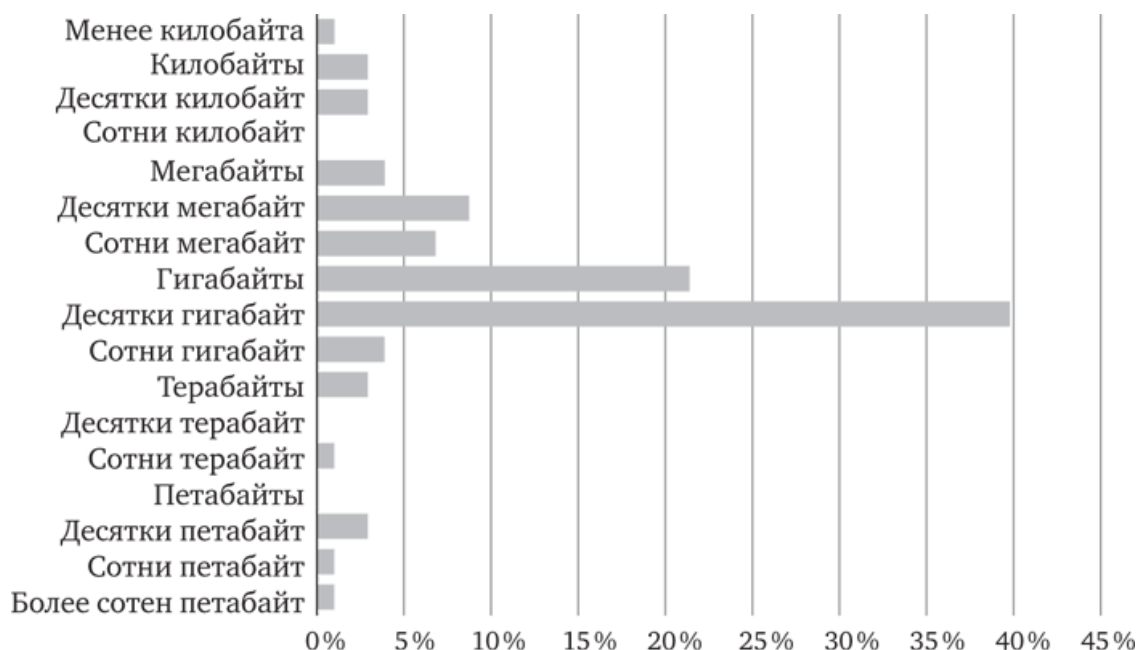
Узнать о нечувствительности к масштабу было бы полезно маркетологам. В этом плане Apple показала свою сообразительность. Блогеры, пишущие о технике, бранят компанию за то, что она не раскрывает точный объем оперативной памяти и другие характеристики айфонов и айпадов. Но подавляющему большинству покупателей подобные цифры мало о чем говорят.

Я провел опрос, в котором нужно было определить «средний объем памяти современного планшетного компьютера». Уточнять, о какой памяти речь, я не стал (было совершенно ясно, что это уточнение особой роли бы не сыграло).

Многие покупатели все еще не видят разницы между килобайтами, мегабайтами и гигабайтами. Но, похоже, и в этот раз сработало здравомыслие толпы. Самый популярный ответ (10–99 гигабайт) оказался на момент проведения опроса и самым адекватным. Его выбрали 40 %.

Однако столько же испытуемых ответили в корне неверно. Это как раз те самые покупатели, чьи характеристиками устройства едва ли впечатлишь.

Какой объем памяти у планшетного компьютера?

Продукция Apple по своим параметрам в общем-то не претендует на статус «самый-самый» (если, конечно, речь не идет о заоблачных ценах и выручке от продаж). Взамен компания предлагает ряд удачных компромиссных решений. Благодаря ее маркетинговой стратегии обсуждаются не цифры, а нюансы вроде удобного интерфейса и первоклассного дизайна. Всем прочим производителям только и остается, как делать ставку на описание характеристик. Но информация о характеристиках примерно у половины пользователей в одно ухо влетает, из другого вылетает. Рекламная кампания, построенная на характеристиках, прежде чем убедить, должна сначала обучить. А ведь дать в рекламном объявлении 101 совет по различению единиц объема компьютерной памяти не так-то просто.

Христиане и остальные

Среди жителей США я провел опрос, в котором у испытуемых спрашивалось, какой процент американского населения приходится на азиатов. Причем не уточнялось, людей каких национальностей понимать под «азиатами» и включать ли в их число метисов. Бюро переписи населения располагает юридически точным определением «американцев азиатского происхождения». По его сведениям, в 2010 г. перепись установила, что на американцев азиатского происхождения приходится 5,6 % населения США. Я же обнаружил, что, по мнению респондентов, на азиатов приходится 13 % — почти вдвое больше, чем по данным переписи.

Эти результаты вполне закономерны. Как вы можете заметить, американцам свойственно преувеличивать численность самых разных меньшинств. И чем меньше группа, тем сильнее переоценен ее размер. В среднем американцы полагают, что на долю граждан США испанского или латиноамериканского происхождения приходится 25 % (а не 17, как сообщает бюро), на афроамериканцев — 23 (не 12,6, как показала перепись), а на гомосексуалистов и лесбиянок — 11 %. Хотя данных переписи по секс-меньшинствам нет, обычно ссылаются на результаты опроса, проведенного в 2011 г. Юридической школой Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе: доля мужчин и женщин нетрадиционной ориентации вместе взятых составляет 1,7 %. Общественное мнение преувеличило этот показатель в шесть раз: выходит, что азиатов примерно столько же, сколько и геев, хотя на самом деле в США

на каждого гомосексуалиста или лесбиянку приходится по три американца азиатского происхождения.

Вполне возможно, что некоторые под «геями и лесбиянками» понимают ЛГБТ – слово, часто употребляемое в новостях. У респондентов я также спросил количество представителей ЛГБТ (указав, что это акроним «лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров»), которых, по логике, должно оказаться либо столько же, либо больше, чем лесбиянок и геев. По мнению большинства, представителей ЛГБТ в США 15 %, тогда как геев и лесбиянок – 11 %. Подобно «долгу» и «дефициту», слова «геи» и «ЛГБТ» могут представляться общественности синонимами.

Представители поколения миллениума еще больше склонны все переоценивать. Испытуемые младше 30 лет полагают, что доля азиатов в США составляет 21 %, геев – 15 %⁷¹. Молодым, по сравнению с пожилыми, кажется, что азиатов больше в два раза, а геев – в полтора. Насчет же процентной доли латиноамериканцев и негров их взгляды практически совпадают.

Загадок тут по меньшей мере три. Почему численность меньшинств преувеличивают? Почему молодежь преувеличивает ее сильнее? Почему, если меньшинство совсем малочисленное, его преувеличивают в гораздо большей степени?

В качестве яркого примера последнего случая можно привести результаты исследования, проведенного независимым агентством Ipsos MORI. Американцев просили назвать количество мусульман среди населения США в процентах. На самом деле их где-то 1 %. В среднем у респондентов получилось 15 %.

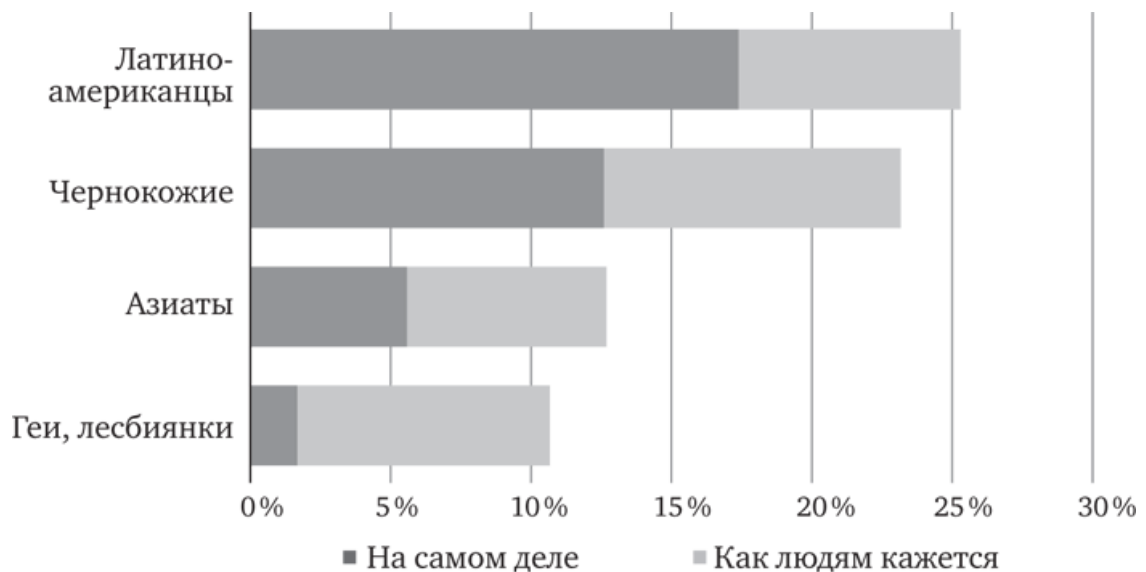
Только вдумайтесь. Согласно общественному мнению, латиноамериканцы, негры, азиаты, гомосексуалисты и мусульмане составляют примерно 25, 23, 13, 11 и 15 % населения соответственно. Сложите эти цифры – получится 87 %. Даже если группы перекрываются, на долю этих явных меньшинств приходится две трети населения США, так, во всяком случае, думает среднестатистический американец.

В этом отношении заблуждаются не только американцы. Ipsos MORI провело опрос среди граждан 14 индустриально развитых государств. Испытуемых попросили назвать, сколько в их стране мусульман. В Венгрии размер этого меньшинства действительно небольшой – составляет 0,1 % населения. Венгерские респонденты ответили, что среди их соотечественников мусульман 7 %. А ведь это в 70 раз больше, чем на самом деле.

Однако не все общественные представления оказываются преувеличенными. Ipsos MORI попросило американцев определить, сколько процентов жителей США исповедуют христианство. Усредненный ответ – 56 %. На самом же деле христиан в Америке 78 %. В этом вопросе разрыв между действительным и предполагаемым оказался наибольшим у американцев. Хотя у представителей других стран, где христиане в большинстве, этот разрыв также оказался существенным. Показательным исключением стала Германия, усредненный ответ ее респондентов попал в самую точку: христиан в Германии 58 %. И наоборот, в Японии и Северной Корее, где христиане в меньшинстве, их процент среди населения переоценивают. Похоже, людям свойственно численность больших групп недооценивать, а маленьких – переоценивать.

Американцы думают, что чернокожих, азиатов и геев гораздо больше, чем на самом деле

⁷¹ Ipsos MORI, 2014.

Наши демографические заблуждения могли бы показаться забавными, если бы не тот факт, что они формируют мнения и влияют на реальные политические решения. Неверное представление о том, что численность меньшинств гораздо больше, чем на самом деле, приводит к измышлениям, что гетеросексуальные белые христиане в местах традиционного проживания превращаются в вымирающий вид.

Похожие исследования показали, что люди также сильно переоценивают процентную долю несовершеннолетних матерей, иммигрантов, пожилых граждан и безработных⁷². Американцы полагают, что целых 32 % их сограждан не имеют работы, хотя в действительности на момент проведения опроса (2014 г.) безработных насчитывалось всего 6 %. Таким образом, население США склонно переоценивать показатель безработицы в пять раз. А вот жители Южной Кореи переоценили собственную безработицу в восемь раз.

Этот вид ошибки особенно тревожит, поскольку избиратели – как нам то и дело напоминают политики и журналисты – часто оценивают деятельность чиновников по уровню безработицы в стране, точнее, по тому уровню безработицы, *каким они его видят*.

Устранить ошибки иногда бывает непросто, как выяснило Ipsos MORI, побеседовав после проведения опроса с его участниками. Сотрудники бюро связались с британцами, переоценившими процент иммигрантов в два и более раз, сообщили им официальную цифру 13 % и попросили объяснить, почему те назвали 26 % и более. Испытуемым предложили варианты на выбор и разрешили не ограничиваться одним. Большинство согласилось с утверждением «Людей, проникших в страну незаконно, никто не считает»⁷³. Половина ответила: «Я все равно уверен, их на самом деле больше». А в качестве доводов – «Такой я вижу ситуацию в нашем районе», «Об этом говорят по телевизору» и «Рассказывают друзья и родственники».

Слишком уповать на точность официальных данных по иммиграции неразумно. Но полагать, что неспециалист способен на основании лишь нескольких «жизненных случаев» вывести точную цифру, по меньшей мере глупо. Однако именно такой логикой руководствовались многие в выборочной группе. С утверждением «Я только предположил» согласилась всего лишь треть, хотя по идее так ответить должен был практически каждый.

Для здравомыслия толпы не требуется, чтобы правильный ответ был известен каждому. И чтобы оно работало, в демократичном обществе должен быть выполнен целый ряд

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid.

условий. Избирательные кампании стараются как можно доступнее изложить программы кандидатов, за которых люди приходят голосовать. У избирателей есть множество источников информации и масса времени, чтобы сделать обдуманный выбор.

Но людская толпа перестает мыслить здраво, если количество людей, у которых ментальные карты искажены одинаково, становится слишком большим. Для принятия политически взвешенных решений часто крайне важно, чтобы избиратели располагали определенной демографической статистикой и понимали разницу между миллионом, миллиардом и триллионом. Как заметил журналист Эндрю Романо:

Вновь и вновь опросы показывают, что испытуемые не представляют себе, на что в действительности похож бюджет⁷⁴. В 2010 г. организация World Public Opinion провела опрос и выяснила, что американцы не прочь решить проблему дефицита, сократив помощь иностранным государствам до скромных 13 %. По их мнению, сейчас государство расходует 27 % бюджета. На самом же деле расходует оно менее 1 %. Кроме того, по результатам опроса, проведенного CNN 25 января [2011 г.], выяснилось, что, хотя 71 % избирателей выступают за сокращение чиновничьего аппарата, подавляющее большинство высказывается против уменьшения расходов на программы социального страхования Medicare (81 %), «Социальная защита» (78 %) и Medicaid (70 %). Вместо этого они предлагают резко сократить объем ненужных трат. Похоже, в их сказочном мире на этот вид расходных статей уходит 50 % бюджета. Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного Институтом Гэллага в 2009 г. О том, чтобы ликвидировать дефицит бюджета при помощи таких советов, не может быть и речи. Но политики все равно потакают этим советчикам и даже поощряют подобные заблуждения.

Из рассуждений Романо следует печальный вывод: у предпосылки – знать факты не нужно, их всегда можно посмотреть – недостаток в том, что посмотреть факты никто не удосуживается. Большинство из нас никогда не станут искать в Google, где находится Украина, каков процент мусульман в США и чему равен федеральный бюджет. Просто мы не находим эти факты достаточно интересными. Нам не кажется, что хорошо было бы их знать. При этом мы смотрим на мир сквозь призму ложных представлений, принимая решения, голосуя на выборах и поддерживая тот или иной политический курс.

ИСКАЖЕННЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ

Найдите Колумбию на карте мира.

Чему равен в этом году федеральный бюджет США?

Какой процент населения США приходится на граждан старше 65?

Если вам известно, где находится Колумбия, то карту вы знаете лучше, чем примерно половина американцев.

Если, отвечая на вопрос про бюджет, вы правильно назовете хотя бы количество нулей, то уже этим покажете очень высокий результат. В 2015 г. бюджет был представлен 13-значным числом: 3,9 триллиона долларов. Верно оценить масштаб этой величины сумели только 36 % опрошенных. Здесь прослеживалась четкая корреляционная связь между отве-

⁷⁴ Romano, 2011.

том респондента и размером семейного дохода: у тех, кто верно указывал числовой разряд, годовой доход оказался примерно на 21 тысячу долларов больше⁷⁵.

В США на граждан старше 65 приходится 14 % населения. Американцы считают, что 36 %, как сообщили в Ipsos MORI. Налицо заблуждение, которое, по-видимому, дает о себе знать в ходе дискуссий на тему финансирования «Социальной защиты» и Medicare. Процентный показатель пожилого населения существенно переоценивают все опрошенные нации, как правило, в два раза или более.

⁷⁵ $p < 0,005$, размер выборочной группы – 462.

3. История для чайников

Вам знакома поговорка «историю пишут победители»? Но только не в бывших Конфедеративных Штатах Америки. В Техасе Совет штата по вопросам образования требует, чтобы в учебниках инаугурационной речи Джефферсона Дэвиса уделялось не меньше внимания, чем речи Линкольна⁷⁶. В Штате одинокой звезды также хотят, чтобы Томасу Джефферсону в учебниках отводилась более скромная роль в деле основания нации. Пусть он упоминается как Джефферсон, в честь которого Джефферсон Дэвис получил свое имя. Третий президент США, основной автор Декларации независимости, был сторонником разделения церковной и светской власти – это деликатный для Техаса вопрос.

Таковы лишь некоторые из множества правил, которые намеревалось установить радикальное крыло техасского Совета по вопросам образования. В 2010 г. они поставили на обсуждение требование, согласно которому в учебниках следует всякий раз приводить второе имя Барака Обамы – Хусейн.

Подобные правила появляются потому, что политики, не особо знакомые с историей, могут заручиться голосами избирателей, знающих историю еще хуже, – вот они и говорят историкам и преподавателям, что писать в учебниках. Имеется множество доказательств того, что знания по истории у людей слишком обрывочны, чтобы самостоятельно во всем разобраться. В 2010 г. Маристский институт общественного мнения провел опрос, у какой нации американцы отвоевали свою независимость⁷⁷. Четверть респондентов не знали либо ответили неверно.

Согласно результатам исследования, проведенного Центром государственной политики Анненберга в 2011 г., американцы лучше знают судей из музыкального телешоу *American Idol*, чем членов Верховного суда⁷⁸. В том же году журнал *Newsweek* провел среди тысячи американцев тест, обязательный для иностранных граждан, желающих получить гражданство США⁷⁹. С заданиями не справились 38 %. Большинство не смогло сказать, кто был президентом во время Первой мировой войны (Вудро Вильсон), или ответить, что Сьюзен Энтони боролась за права женщин. Примерно 40 % не знали, с какими странами воевали США в ходе Второй мировой (Япония, Германия, Италия). Треть не сумела назвать дату принятия Декларации независимости (4 июля 1776 г.). А 6 % так и не отыскивали в календаре День независимости.

Подобные результаты взбудоражили общественное мнение. В 2014 г. губернатор Аризоны Даг Дьюси подписал закон, обязывающий вручать аттестаты выпускникам средней школы только после того, как они будут в состоянии успешно сдать тест на гражданство⁸⁰. Представители организации «Инициатива в граждановедческом образовании» надеются ввести подобные законы во всех 50 штатах.

Дело обстоит так: гораздо легче с благими намерениями заручиться поддержкой электората, чем придумать, как повысить нынешний уровень образования. Граждановедение всегда было уделом начальной и средней школы. Так следует ли учителям уделять меньше внимания чтению, математике и информатике, чтобы изучать, как законопроект становится законом? Обширный запас невежества исчерпать не так просто, как полагают.

⁷⁶ Terkel, 2010; Los Angeles Times, 2014.

⁷⁷ См. статью «Мало что знают об истории?» (Don't Know Much About History?), July 2, 2010: bit.ly/1Na7nzX.

⁷⁸ Wilson, 2015.

⁷⁹ Newsweek, 2011.

⁸⁰ Wilson, 2015.

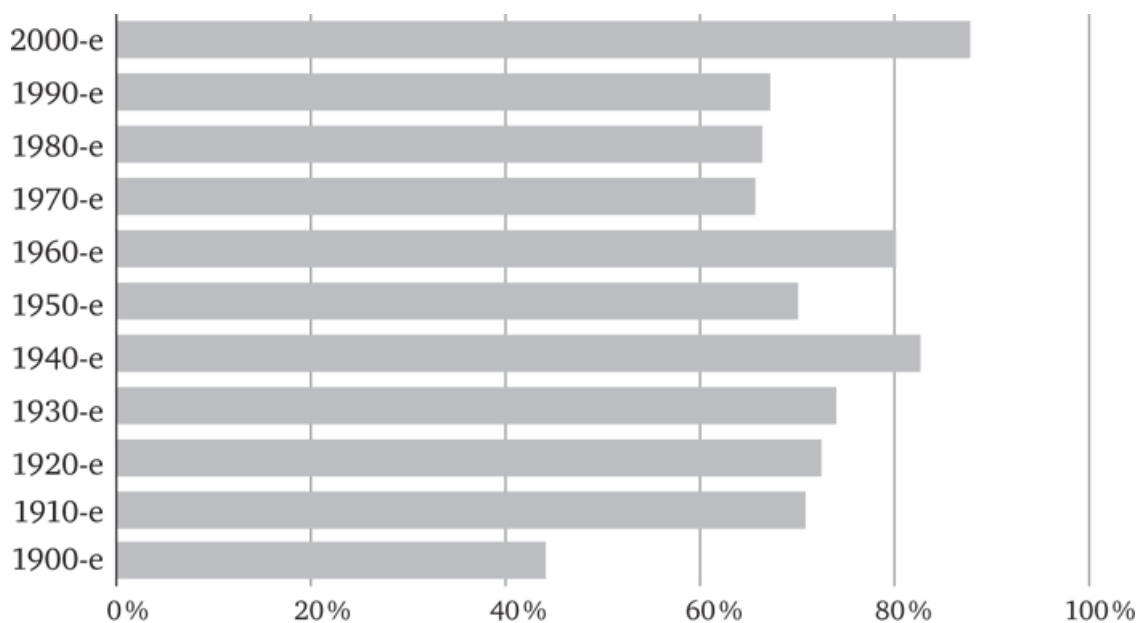
В субъективной истории половина событий произошло после 1948 г.

Я провел исследование, в котором попросил испытуемых назвать «важные новостные или исторические события», произошедшие в определенные периоды времени, начиная с третьего тысячелетия до н. э. и по сегодняшний день. Периоды исчислялись годами, десятилетиями, веками и тысячелетиями. Каждой группе, подобранной произвольно, досталось всего по одному временному периоду, чтобы не требовать от испытуемых слишком много.

Опрос состоялся в мае 2014 г. Назвать хотя бы одно медийное или историческое событие, случившееся в прошедшем 2013 г., не смогли 18 %. А 11 % дали неверный ответ.

Участники опроса, которым достался 2012 г., называли события почти так же плохо. Самым популярным ответом стало переизбрание президента Обамы. Четырехгодичный избирательный цикл служит опорой для памяти, и мне представляется, что вспомнившие про переизбрание едва бы смогли назвать за этот период какое-нибудь еще общественно значимое событие.

Сколько людей могут назвать хотя бы одно важное событие за прошедшие десятилетия?

Для 2011 г. показатель запоминаемости событий упал до 36 %. Вот именно – большинство людей не смогли вспомнить ни одного общественно важного события, произошедшего в течение трех лет. Результаты 2010 г. оказались такими же.

Значительная часть ответов пришлась не столько на новости, сколько на события в мире спорта, природные явления, криминальные происшествия и закулисную жизнь звезд. Вспоминали про результаты Мировой серии по бейсболу и Суперкубка по американскому футболу, случившиеся в США ураганы и наводнения, громкие преступления, смерти и скандалы в мире знаменитостей. Все это засчитывалось, если только испытуемые не промахи-вались с годом.

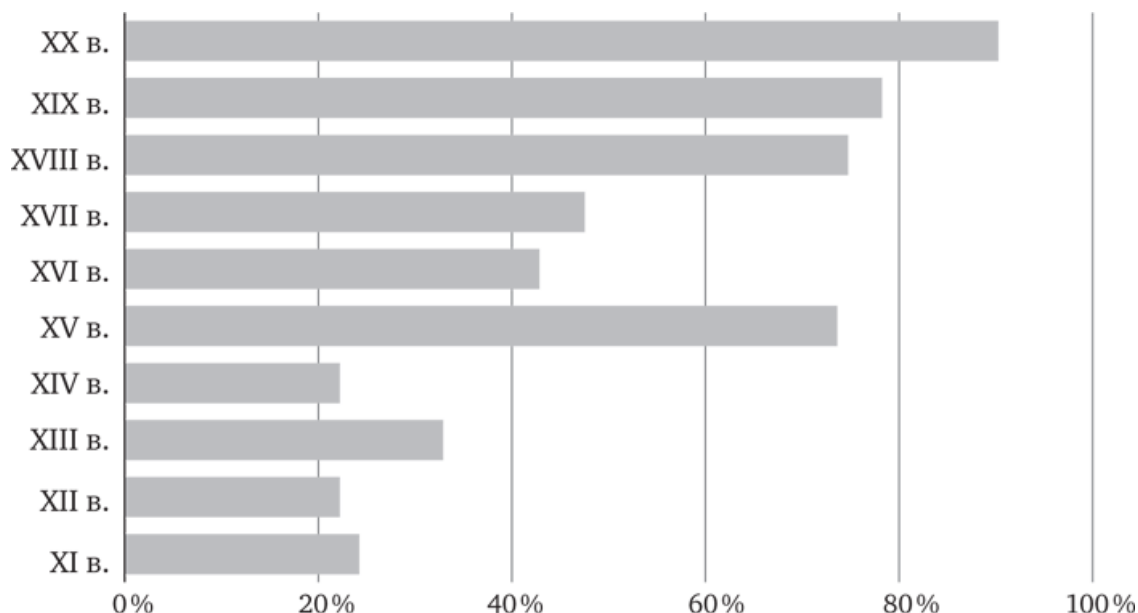
Ответ мог быть признан неверным по двум причинам. Кто-то называл события, которые никогда не происходили, например «к президенту Никсону применили импичмент». (Никсон, чтобы избежать этого позора, подал в отставку.) Но чаще ошибка заключалась в

том, что реальное событие соотносили с другим временным периодом. Некоторые относили смерть Усамы бен Ладена к 2012 или 2010 вместо 2011 г. Это вполне понятно. Люди сходятся во мнениях насчет того, что с появлением Google необходимость запоминать даты уменьшилась и что достаточно иметь общее представление о том, какое событие за каким следует. Но среди испытуемых, участвовавших в моем исследовании, мало у кого оно было. Ответили, что Колумб приплыл в Америку в начале XVII в., а ледниковый период был в первом тысячелетии до нашей эры.

В выбранной мною группе одно событие, произошедшее между 2000 и 2009 гг., сумели назвать 88 %. Самым популярным ответом стали террористические атаки на Всемирный торговый центр и Пентагон в 2001 г. Показатели запоминаемости событий, случившихся в 90-х, 80-х и 70-х, уменьшились примерно до двух третей.

Воспоминания нахлынули при мысли о «лихих 60-х» (80 %) и отступили, когда спросили про «скучные 50-е» (70 %), воспрянули с новой силой (84 %), стоило только упомянуть 40-е. Про Гитлера, Перл-Харбор, холокост или Хиросиму большинство участников вспомнило.

Сколько людей могут назвать хотя бы одно важное событие за прошедшие столетия?

Затем показатели запоминаемости пошли на убыль. За первое десятилетие XX в. больше половины респондентов не смогли назвать ни одного важного исторического события.

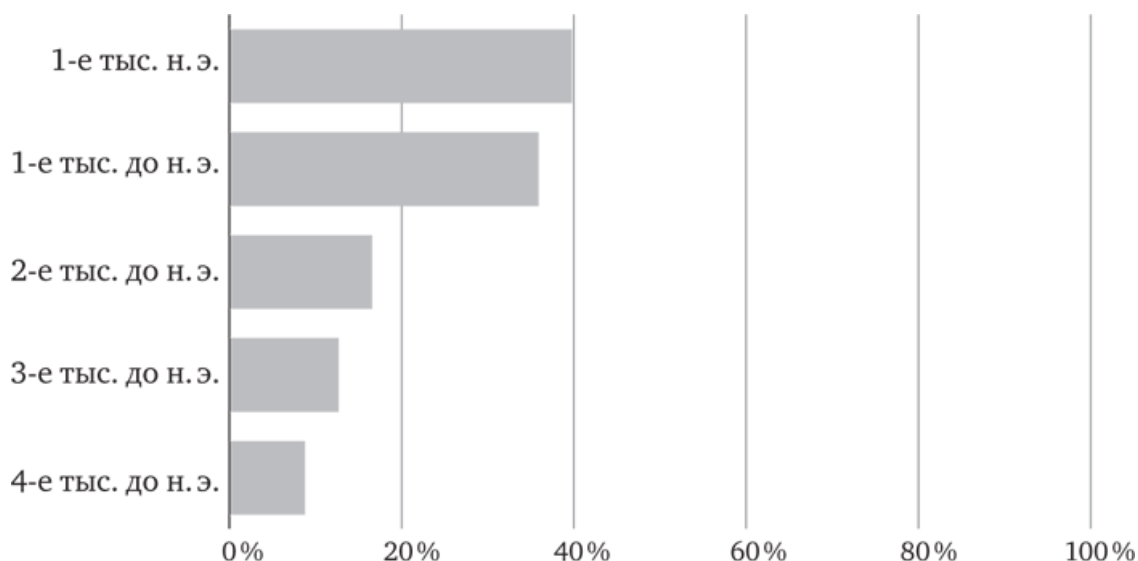
Переходим к векам. О XIX в. что-нибудь вспомнили 78 % (Гражданская война и освобождение от рабства – самые популярные ответы). Почти такие же хорошие показатели приходятся на XVIII в. (Война за независимость, Декларация независимости). Но за весь XVII в. большинство участников не смогли назвать ни одного события.

В то столетие много чего произошло. Отцы-пилигримы высадились в Плимуте. В Англии произошла революция, в городе Салем велись процессы над ведьмами. Умер Шекспир, и родился Бах. Изобрели телескоп. Галилео, Кеплер и Ньютон заложили фундамент современной науки. Более половины участников выборочной группы об этих событиях не вспомнило.

Некоторые даты отпечатались в памяти еще со школьной скамьи, например 1492 г. Этого оказалось достаточно, чтобы показатель запоминаемости событий XV в. резко под-

скочил. Из тех, кто смог что-нибудь сказать про этот период, путешествие Колумба вспомнилось четверым из пяти. Но эпоху раннего Средневековья большинство обошло молчанием.

Сколько людей могут назвать хотя бы одно важное событие за прошедшие тысячелетия?

Респондентов, которым достался период с 1000 г. н. э. и назад в прошлое, я просил называть события, случившиеся в том или ином тысячелетии. Я не стал полагаться на то, что несколько сбивающие с толку формулировки вроде «первое тысячелетие нашей эры» будут понятны всем. Поэтому в исследовании спрашивалось о «важном историческом событии, произошедшем с 1 по 999 г. н. э.».

Вы можете подумать, что раз уж человек это понял, то не вспомнить совершенно ничего, что случилось в первом тысячелетии нашей эры (к примеру, жизнь и смерть Иисуса Христа или закат и падение Рима) или до нашей эры (классическую Грецию, Клеопатру) просто-напросто невозможно. Многие не вспомнили.

Историки полагают, что Иисус родился либо в 6-м, либо в 4 г. до н. э. Следовательно, рождение Христа приходится на первое тысячелетие до нашей эры. Некоторых это сбilo с толку, и они ответили неверно, но таких оказалось не настолько много, чтобы существенно изменить итоговый результат.

Большая часть земной поверхности до 1000 г. до н. э. была в буквальном смысле доисторической, поэтому неудивительно, что мало кто сумел припомнить исторические события самых ранних тысячелетий, охваченных исследованием. Правильные ответы касались в основном Египта (строительство пирамид), Ветхого Завета (исход евреев из Египта, правление царя Давида в Израиле), Стоунхенджа.

Некоторые участники назвали несколько событий на каждый период времени. Я собрал и проанализировал все полученные ответы (включая попавшие в другой временной период по ошибке). Из собранных сведений получилась временная шкала субъективной истории. На ней центральной точкой, отделяющей одну половину запомнившихся исторических вех от другой, оказался 1948 г. Грубо говоря, из всех исторических событий после 1948 г. люди, похоже, помнят примерно столько же, сколько со времен зарождения цивилизации вплоть до администрации Трумэна. Это еще одна искаженная ментальная карта. Здесь временную шкалу разделили надвое по числу названных событий.

Принимая личные и коллективные решения, мы слишком сильно полагаемся на те события, которые произошли в очень недалеком прошлом. Это видно по тому, как реагируют на мировые катастрофы: землетрясения, эпидемии, экономические депрессии, обвалы фондовых бирж, террористические акты, массовые расстрелы и войны. После каждого трагического потрясения принимаются меры, чтобы оказаться более подготовленными в следующий раз – подготовленными, по сути, к тому, что только-только случилось. Мы не можем подготовиться к предсказуемым проблемам и катастрофам, которые случались многократно, если они не происходили совсем недавно.

Забывая президентов

Большую часть карьеры Генри Редигер посвятил изучению того, как американцы забывают своих президентов. Вышел он на эту проблему случайно. В некоторых психологических экспериментах полезно среди заданий, интересующих исследователей, дать задание постороннее. В одном эксперименте Редигер в качестве такого вот заполнителя предложил студентам за пять минут письменно перечислить как можно больше президентов США, которым довелось побывать у власти. Он заметил, что среднестатистический студент Университета Пердью или Йельского университета может вспомнить только 17 президентов из 36 или 37 (исследование, опубликованное в 1976 г., проводилось между правлением Ричарда Никсона и Джеральда Форда).

Редигер, работающий сейчас в Университете Вашингтона в городе Сент-Луис, не ставил себе задачей в очередной раз указать на пробелы в культурных познаниях студентов. Его интересовала человеческая память, и он обнаружил высокую вариативность показателей запоминаемости каждого отдельного президента. Практически все называли Вашингтона,

Линкольна и несколько совсем недавних имен. Мало кто (менее 20 %) вспомнил не особо известных президентов вроде Джона Тайлера и Честера Артура.

Конечно, вы можете возразить, что некоторые президенты действительно более значимы и помнить о них важнее. Это как в бейсболе. Мы помним легендарных игроков вроде Тая Кобба и Бейба Рута плюс еще многих современных, а остальных – забываем. Но Редигер построил график, который заставляет в этом усомниться. На нем президенты расставлены в хронологическом порядке (ось x) и отображена кривая по показателям их запоминаемости (ось y) от 0 до 100 %. Получился, грубо говоря, U-образный график. Студентам лучше запомнились несколько первых президентов и несколько самых недавних. Между этими двумя полюсами распростерлась глубокая пропасть забвения, с одним лишь заметным исключением: Линкольна вспоминали очень охотно (U-образная кривая на самом деле походила на W, у которой нижние углы сглажены).

Генри Редигер и Роберт Краудер увидели в этом проявление «эффекта края»: из расположенного в ряд заучиваемого материала элементы, находящиеся в начале и в конце, запоминаются лучше. Хуже всего вспоминаются элементы, расположенные чуть дальше середины ряда. В 2015 г. в забвении оказались Ратерфорд Хейс, Джеймс Гарфилд, Честер Артур.

Конечно, в любом списке найдутся элементы, которые будут запоминаться лучше вне зависимости от их позиции в списке. Линкольн выиграл войну, которая разделила, а затем вновь объединила нацию. Он отменил рабство, поступок, которым не перестают восхищаться и о котором продолжают говорить. О трагических обстоятельствах его убийства в театре рассказывают каждому школьнику. Несложно понять, почему имя Линкольна противоречит эффекту края. Гораздо интереснее то, что нескольких президентов до и после него также помнят гораздо лучше, чем можно было бы ожидать; эффект ореола особенно благоприятно сказался на следующих за Линкольном Эндрю Джонсоне и Улиссе Гранте.

В эксперименте с именами президентов Редигер получает схожие результаты вот уже сорок с лишним лет, разве что всё новые президенты переходят в забвение. В 2014 г. Редигер и К. А. Десото пригласили для участия в эксперименте взрослых людей всех возрастных групп и обнаружили, что возрастной фактор имеет большое значение: президента вспоминают гораздо реже, если не жили при его правлении. Среди представителей поколения X – те, кто родился от начала 1960-х до начала 1980-х гг., – Эйзенхауэра назвали менее четверти испытуемых. Дело не в том, что они никогда об Эйзенхауэре не слышали; просто, когда сосредоточенно вспоминали президентов США, Эйзенхауэр на ум не пришел. Становится ясно, как последующие поколения будут думать об Эйзенхауэре – или, точнее, как они не будут думать о нем.

Похоже, что постепенное забывание президентов – явление предсказуемое. К 2040 г., по прогнозу Редигера, вспомнить Линдона Джонсона, Ричарда Никсона и Джимми Картера сможет менее четверти населения. Можно вообразить, что некоторые президенты вроде Линкольна становятся исключениями, но обычно это не так. Редигер начал свое исследование во времена Уотергейтского скандала. Тогда ему казалось, что Джеральд Форд, став первым президентом, которого на этот пост не выбрали, а назначили, раз и навсегда вошел в историю и накрепко запечатлелся в памяти. Теперь же обстоятельства его прихода к власти мало что значат, и Форд вполне предсказуемо оказался в забвении. После того как Редигер упомянул этот факт в интервью, с ним связался представитель Президентской библиотеки и музея Джеральда Р. Форда в городе Анн-Арборе и сообщил, что посетителей у них все меньше и меньше, поинтересовавшись, есть ли у Редигера на этот счет какие-нибудь идеи⁸¹.

⁸¹ Интервью автора с Генри Редигером, 16.03.2015.

Пик воспоминаний

В Белойтском колледже, где с 1998 г. ежегодно публикуется список, отражающий состояние фоновых знаний первокурсников, деликатно предупреждают преподавателей, что культурные аллюзии давних лет ни о чем не скажут новому поколению студентов. Абитуриенты 2016 г. «никогда не покупали бумажный билет на самолет... Роберта Де Ниро они воспринимают как много повидавшего тестя Грегга Факера, а не как Вито Корлеоне или Джимми Конвея»⁸².

Даже преподавание истории должно до некоторой степени подстраиваться под скоротечную память молодежи. Историки спорят о том, что считать актуальным, а что из учебного плана можно убрать. Однако между историей культуры и ностальгией нет отчетливых границ. Нужно ли молодым людям знать, кто такая Билли Холидей? Граучо Маркс? Аль Капоне?

На такие периоды нашей жизни, как молодость и отрочество, приходится несоразмерно много воспоминаний. Свойство хорошо помнить события, произошедшие в возрасте примерно от 10 до 30 лет, называется пиком воспоминаний. К ним относятся радости и горести подросткового периода, школьных и университетских лет, первой любви, первого места работы и первого опыта самостоятельной жизни вдали от родительского дома. И наоборот — мы совсем ничего не помним о младенчестве и очень мало из раннего детства. Людям средних лет помнится относительно мало из того, что приключилось на просторах необъятной долины памяти после 30 и до недавнего времени. Таким образом, на собственную жизнь мы не можем посмотреть объективно. Решающими оказываются события двух десятков лет, причем случившиеся в тот период жизни, на который нацелены рекламные кампании.

⁸² Beloit College, Mindset List, 2016 list: bit.ly/1CpeE3G.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.